

ПРОТОИЕРЕЙ
ГЕННАДИЙ ФАСТ

А вечность уже началась...

проповеди

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Геннадий Фаст

А вечность уже началась... Проповеди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73485343

*А вечность уже началась... Проповеди: Издательство ООО «Вольный
Странник»; Москва; 2021
ISBN 978-5-00178-092-2*

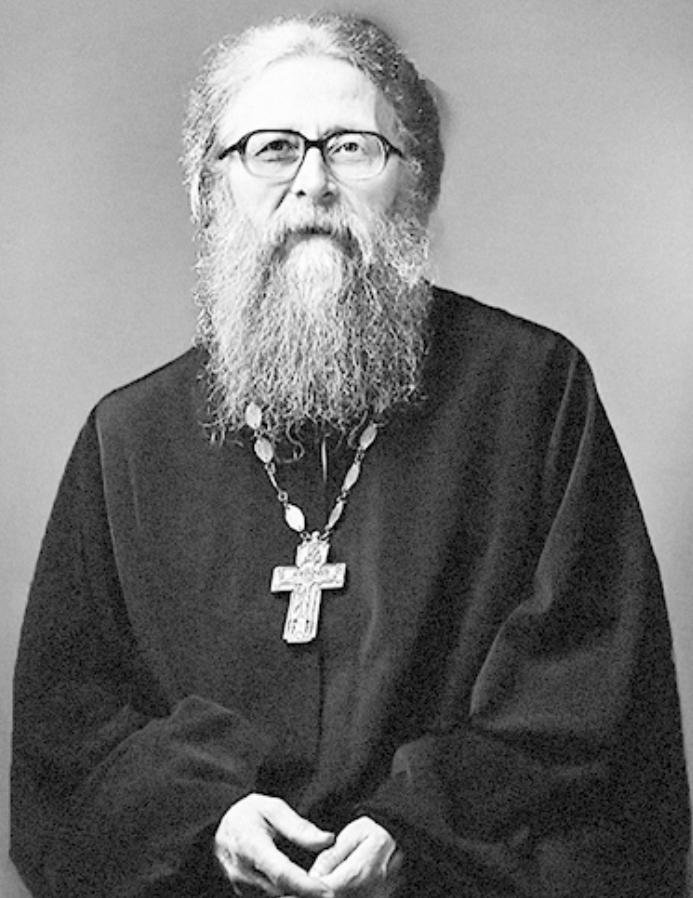
Аннотация

Выдающийся проповедник протоиерей Геннадий Фаст, библиист и богослов, находит слова, понятные каждому, как подготовленному, так и неподготовленному человеку. Как живая вода, омывающая ум и сердце, проповеди отца Геннадия проясняют самые важные смыслы. Они показывают путь к обретению вечной радости уже здесь, на земле. В настоящем сборнике представлены избранные проповеди, сформированные по темам. Тексты легко читаются, так как в них сохранен ритм устной речи. В заключении книги читатель найдет уникальные молитвенные песни, излившиеся из сердца отца Геннадия.

Содержание

Предисловие	7
Как читать предлагаемую книгу	11
Глава 1. Христос – наша Альфа и Омега	14
Смех глупых	15
Зависть, наущение, малодушие	28
О ком молишься на Кресте, Иисусе?.	42
Сердце, уязвленное любовью Христовой	47
Глава 2. Что мне делать, чтобы спастись?	62
Праведный Финеес	63
Непрощение	71
Якорь безопасный в житейском море	83
Кто мой ближний? Кому ближний я?.	93
Делайте дела, пока есть время!	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Протоиерей Геннадий Фаст
А вечность уже
началась... Проповеди

© Фаст Г. Г., прот., 2021

© Оформление. ООО «Вольный Странник», 2021

Благодарю архиепископа Абаканского и Хакасского Ионафана, благословением которого совершалось служение с произнесением слов, собранных в этой книге.

Протоиерей Геннадий Фаст

Предисловие

Протоиерей Геннадий Фаст – широко известный в России и за ее пределами проповедник, богослов и пастырь. Из-под его пера вышло немало книг, посвященных толкованию Священного Писания. Новая книга тоже во многом носит истолковательный характер, но толкование библейских текстов в ней особое – проповедническое.

Уже почти полвека отец Геннадий является служителем слова – с середины 70-х годов прошлого века проповедует без устали и в силе Духа вечное и нетленное слово Божие.¹ В больших аудиториях и в частных беседах, на приходских библейских занятиях, на страницах сибирских газет, в теле- и радиоэфире, в университетах и школах, на научных конференциях по библеистике и в тюрьмах... Под воздействием этой проповеди сотни и тысячи людей обратились и продолжают обращаться от тьмы неверия к свету веры, от суеверий и предрассудков – к Истине.

Особое место в пастырском служении протоиерея Геннадия заняла литургическая проповедь. Давние прихожане Енисейска и других сибирских городов помнят те талантливые, яркие и убедительные проповеди. Малая их толика была перенесена на бумагу и издана в 1994 году, когда в красно-

¹ см. Деян.6, 4.

ярском издательстве «Енисейский благовест» вышла в свет книга «Свет и тени Голгофы», представляющая собой сборник проповедей, произнесенных на Пассиях – великопостных богослужениях, посвященных Страстям Христовым.

Нынешняя книга – второй сборник литургических проповедей протоиерея Геннадия. Все вошедшие в него проповеди были произнесены в Абакане, где последние десять лет живет отец Геннадий, являясь настоятелем Градо-Абаканского Константино-Еленинского храма. Следует отметить одно из стилистических отличий этих проповедей от тех, которые звучали несколько десятков лет тому назад. Ранние проповеди – это слова молодого священника, которые произносились со всем свойственным юности жаром и бескомпромиссностью. В абаканских же проповедях чувствуется больше духовности и некой отрешенности от земного, устремленности к миру Горнему.

Проповедь – устный жанр. Письменный текст не может передать интонаций проповедника, звуков его голоса, жестов, взгляда не способен поместить читателя в то пространство, где звучащее слово обращено непосредственно к слушателю. Записанное слово никак не воспринимает реакции тех, к кому оно изначально было обращено – слушателей слова. А ведь для проповедника этот живой контакт с аудиторией чрезвычайно важен. Будучи записанной, проповедь многое теряет, как теряет, например, консервированный продукт в сравнении со свежим. И все-таки, христи-

анская Церковь с самых ранних времен записывала слова своих выдающихся проповедников. Спасибо древним скорописцам! Без их трудов до нас не дошли бы те древние гомили и беседы.

Сегодня роль скорописцев выполняет электроника. Однако, нельзя просто взять и механически перенести на бумагу то, что записано на магнитофонной пленке или в цифровом плеере: такой текст будет труден для восприятия. С другой стороны, радикальная переработка аудиозаписей в книжный текст может превратить проповедь в богословско-нравственный трактат, а это уже другой, совсем не гомилетический жанр. Поэтому автор книги идет средним путем: избегая письменной «книжности», максимально сохраняет то, что было сказано, что присуще устному жанру проповеди, и прежде всего диалогичность. Проповеди отца Геннадия – это не просто наставительные речи. Автор ведет непрерывный живой диалог – с прихожанами, с самим собой, с людьми Библии и Священной истории. И, самое главное – с Самим Богом.

Проповедник – это не пророк. Его труд скромнее, смиренней пророческого. И все же есть что-то, роднящее литургическую проповедь с пророческим служением. Пророк, каким мы его встречаем в Священном Писании – это глашатай Божьего слова, его миссия состоит в том, чтобы ясно и доходчиво передать полученное от Всевышнего слово людям. В сущности, задача проповедника – та же самая: донести,

объяснить в Духе, растолковать своим слушателям слово Божие, сделать его актуальным для них. И отец Геннадий превосходно справляется с этим, возложенным на него Богом, служением.

Уверен, книга протоиерея Геннадия Фаста будет полезна каждому, кто стремится познать Священное Писание. А для студентов духовных учебных заведений она вполне может быть рекомендована в качестве учебного пособия по гомилетике.

*Игумен Арсений (Соколов), доктор богословия, профессор
Общecerковной аспирантуры и докторантуры.*

Дамаск, февраль 2020 год

Как читать предлагаемую книгу

Поскольку у читателя в руках проповеди, то рекомендует-ся читать за один раз только одну из них, хотя объем их невелик. Проповедь всегда цельна, она вводит слушателя в некое духовное пространство, где он духовными очами созерцает некий образ, духовными ушами внемлет некоему слову, обращенному к уму и сердцу. Это слово требует переживания, размышления после услышанного, а то и некоего действия. Чтение после одной сразу другой проповеди смазывает впечатление от предыдущей и не дает вполне ощутить последующую.

Читать можно как подряд, так и наугад – в этом разницы нет, кроме последних четырех проповедей: «Пассия паломника». Их следует читать, конечно, по порядку – в них есть логическая и событийная последовательность: Вифлем – Назарет – Фавор – Иерусалим.

Как ни странно это звучит, книжку эту надо не читать, а слушать, хотя и листаешь при этом страницы, а взгляд бежит по строкам.

Проповедь – не статья, не трактат и даже не лекция, которые можно читать. Проповедь же слушают, это аудиоформат. Автор книги мог бы исходно написать проповедь, тогда она, кстати, легче читалась бы – только в сущности не очень-то была бы проповедью.

Устная речь весьма отличается от письменной. Однако, издревле проповеди, устно изреченные, записывались скорописцами для последующего прочтения. Текст, исходно написанный, и текст, фиксирующий речь, отличаются. Так у святого Иоанна Златоуста ощущается разница в текстах, которые он писал, и в записях слов, произнесенных им устно.

Устная речь, в отличие от письменной, более отрывиста, в ней нет такой гладко согласованной последовательности слов. Отсутствуют многие пояснительные слова, которые говорящим подразумеваются. И, наоборот, встречаются осколки фраз, понятные в устной речи и нарушающие течение речи письменной.

В устной речи напрямую присутствует образ говорящего, выражение его лица, его настрой, мимика, жестикуляция, взгляд (удивленный, радостный, строгий, вдумчивый...). Присутствуют паузы, говорящие, порой, больше слов. Присутствует внутренний диалог – от сердца к сердцу – говорящего и слушающего.

Есть мнение некоторых редакторов, что устную речь, за редчайшим исключением, не полагают на бумагу. И в этом есть правда. Однако, как мы уже отметили, издревле это делалось. Попытались как-то сделать это и мы. Да, действительно, после произнесения проповеди проще сесть и как бы заново ее написать. И тем не менее мы попытались не писать, а положить на бумагу сказанное.

Кстати, изначально написанная, а потом прочитанная

проповедь «пахнет бумагой». Записанное же устное слово проникнуто звуками.

Справиться в совершенстве с попыткой записать устное слово невозможно. Мы попытались и сделали это как смогли. Используется для этого: форматирование текста, знаки пунктуации, пробелы, пропуски строк и так далее. Иногда слово не записывается, будучи предполагаемым.

Спецификой предложенных читателю проповедей является наличие в них монологов и диалогов говорящего. Это и диалог со слушателями, вопросы к ним. Иногда, довольно редко, слово говорящего прерывается ответными репликами. Чаще эти реплики не произносятся и не записываются, но они есть и сами звучат в сердце, и слушающего, и читающего текст. Иногда это диалог говорящего с самим собой, то есть монолог, иногда с теми, о ком проповедник говорит, а иногда и с Самим Господом.

Поскольку мы пытались передать живую речь проповедующего, то ссылки на места Священного Писания отсутствуют. При желании они легко могут быть найдены.

Пожелание взявшему в руки эту книгу: быть не читателем, а слушателем. Войти в храм и услышать слово священника, слиться с слушающими, что называется войти в поток Божьего слова при всем несовершенстве и говорящего, и внимающего.

С любовью и пожеланием благословенных минут, протоиерей Геннадий Фаст

Глава 1. Христос – наша Альфа и Омега

Смех глупых

Страдания Христовы

Некогда, в глубокой древности, один мудрый царь находился у костра. Котел, под ним – огонь. Царь долго наблюдал за происходящим и осенила его мысль: смех глупых, что треск тернового хвороста под котлом.

Это был Соломон. Записано это в книге Екклезиаста.

А теперь мы с вами поразмыслим о тайне страданий Христовых. Нам известно, что Его предали, осудили, распяли, Он испытал страшные мучения и даже самую смерть. Но было в страданиях Христовых еще нечто, о чем говорят как-то реже.

– А как знать? – Бог знает. Может быть, это и было самое страшное Его страдание.

– И что же это?

– Смех глупых.

Казалось бы, кто может посмеяться над Иисусом Христом? Это кем же надо быть?! Евангелие говорит нам о трех случаях, когда Христа высмеяли. Первый такой случай только что живописал евангелист Лука перед нами, и мы слышали это в евангельском чтении.

Некий начальник Иаир приглашает Иисуса к себе домой,

потому что у него дома болеет дочь. Господь откликается на его зов, но не спешит... Да тут еще и эта досадная для Иаира задержка на пути. Женщина какая-то там. Все шествие из-за нее остановилось, она, правда, исцелилась.

Когда Иисус подошел к дому Иаира, то уже издали слышались причитания, для чего даже музыкальные инструменты использовались. В те времена, особенно на Востоке, было своеобразное искусство плакальщиц, их специально нанимали. Они как-то умели достать до сердца, особо трогательным, пронзительным причитанием, выплескивающим всю скорбь по умершему.

Подбежали слуги этого Иаира, говорят: «Не тревожь Учителя – все, поздно, не успел, теперь Он уже не поможет ей, она мертва»². Тут Иисус приближается и говорит: «Она не умерла, она спит». Это услышали те самые плакальщицы и причитальщицы. И ну хохотать: ха-ха-ха, смешно!

– Что это такое? Их тут, понимаете, наняли! За деньги же причитали. Они тут упражняются в своем искусстве причитания – зачем мешать?!

В дом пришла беда, скорбь. В доме покойница, совсем еще девица, девочка. Она лежит на одре мертвая.

– Она не умерла, она спит, – говорит Иисус.

Тут на смех Его все и подняли. А смех глупых, все равно что треск тернового хвороста. Терновый хворост он такой сухой-сухой, горит быстро, трещит много, а остается зола.

² см. Мк. 5, 39.

Иисус выгнал их всех, взял с Собой только трех учеников – Петра, Иакова и Иоанна, и родителей. Они зашли в помещение, девица, действительно, лежит бездыханная. Господь Иисус берет ее за руку. Так мы иногда ласково, нерезко будим наших дочерей, когда им надо проснуться. И говорит ей, наверно, даже и не очень громко:

– Девица, тебе говорю, встань.³

Она и встала. Иисус предложил, чтобы ей дали поесть.

А смех глупых, все равно что треск хвороста под котлом.

– Что это был за смех?

Эти люди смеялись над силой Иисуса. – Этот? – «Да нет в Нем ни вида, ни величия»⁴, какой-то бродячий галилейский проповедник... Пыльная одежда, может быть, где-то даже и рваная, за колючки цеплявшаяся. Странные какие-то учения предлагающий. Им смешно. Над смертью нет власти, это она старая всеми тут командует, ее все боятся. Смешно им было, и смеялись над Божьей силою.

Разве не так бывает и в нашей жизни? Разве, частенько, не смеется человеческое сознание, умудренное жизненным опытом, знающее толк в делах:

– Видите ли, с молитвой притащились! Бога призвали! Шансов нет. Вариантов нет. Всё! Поздно, опоздали вы уже.

Когда люди не верят в силу Божию, тогда им надежда смешна.

³ Мк. 5, 41.

⁴ Ис. 53, 2.

– Надо же, батюшку пригласили, вот тебе еще! И что? Ну, пусть себе отпевает.

Сила Божия действует, а мир смеется.

Второй раз – это был другой смех. Тогда не было никаких действий, ни больных, ни исцеленных, ни воскресших. Иисус наставлял людей, которые находились вокруг Него. Это были иудеи. Он хотел донести до их сознания тщетность сребролюбия.

– Не надейтесь на денежку.

Господь привел притчу о неправедном домоправителе и заключил ее мудрыми словами: вы не можете служить Богу и маммоне⁵.

Надо понимать, что Иисуса окружали люди совсем не безбожные. Это были фарисеи, это был народ верующий, религиозный. Народ, который мнил, что он служит Богу. Богу-то служил, ну, а денежку-то любил. Господь говорил: «Да нет, это несовместимо. А если какая денежка в руки попалась, так приобретайте себе маммоной неправедной, этой денежкой, друзей. Отпускайте им долги, помогайте им, благотворите».

Фарисеи рассмеялись.

«Слышали всё это фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним».⁶

– Что это был за смех?

⁵ Мф. 6, 24.

⁶ Лк. 16, 14.

Это был смех олигархов.

Это был смех сребролюбцев. А чтобы быть сребролюбцем, вовсе не надо пересчитывать немеренные миллионы. Сребролюбцем можно быть и имея совсем малую горсточку этого самого сребра. Не количеством денег измеряется сребролюбие, а привязанностью к нему. Можно быть даже нищим сребролюбцем. Главное, сребролюбец думает, что деньги могут все.

И вдруг, этот Иисус... откуда пришел? – учит тут нас, якобы пустое это все дело. Что ничего не решается, а уж если получил какую денежку, так давай благотворить. Ну конечно, разбежались. Честно заработано, мое. Пусть она мне послужит.

И смеялись над Ним.

Деньги... а точнее сердце наше, к ним привязанное. Оно смеется над всем святым. Вот такой был смех. Так высмеивали Иисуса.

Жизнь, кажется, говорит о другом. Даже среди учеников Иисуса, тоже один недугунал сребролюбием, болел этой страстью, болезнью. Он продал Учителя за тридцать сребренников. Деньги могут все, они смеются над всем, делают человека циником, до основания готовы разрушить все святое. Если в сердце деньги, то там нет места святости.

– А и не надо, ха-ха-ха!

Смешно.

Деньги смеются над святостью, и осмеян был тогда Гос-

подъ Иисус. Смех глупых высмеял силу Божию, ведь внешне все, что Божие, кажется таким немощным. Смех глупых высмеял святость Христову, ведь всё в деньгах! Мы тогда еще не знали, что смех глупых подобен хворосту, треску терновника под котлом.

Третий раз осмеяние Иисуса было уже массовое. Теперь это было не несколько человек. По какому поводу? Если первый раз осмеяли Его силу, Он казался слабым, ни к чему не способным, даже прийти вовремя не смог. То второй раз над Ним смеялись деньги. Осмеяна была Его святость. А третий раз, Он был осмеян Сам, как Личность.

Господь в руках Своих судей. Началось пятничное утро, страшное судилище Христово.

– В чем это судилище?

Оно многопланово. Не один кто-то осудил Иисуса. Случилось, что в тот день, в связи с праздником пасхи, в Иерусалиме был Ирод Антипа, царь Галилеи, северной части Иудейской провинции. Он давно был наслышан о галилейском проповеднике и давно хотел Его увидеть, услышать. Вот представился удобный случай. А тут еще и Пилат, узнав, что Иисус из Галилеи, послал Его к галилейскому царю: ваш человек, вы и разбирайтесь.

Иисус стоит перед Иродом. Ирод настроен благосклонно. Он хочет поговорить с этим Человеком, о Котором уже был столько наслышан. Хочет понять, Кто это? Что за Ним стоит? И он по-доброму, по-хорошему задает Ему вопросы.

– Давай уже, Иисус, отвечай! Есть возможность освободиться, ведь я царь. Я могу сказать: «Оставьте Его и отпустите, тем более, что Он Галилеянин. Это моя компетенция. Забираю Его, может даже друзьями будем».

А Иисус молчит. Ирод опять спрашивает, пытается Его разговорить, а Он молчит.

– Почему Иисус молчит?

Потому что Он знал сердце человека. Он однажды уже посылал к этому Ироду сказать, кто он такой: «Скажите этой лисице...»⁷. Лукавый был человечиска. Суд же Ирода, знаете, как в той поговорке: «С умным человеком и поговорить приятно». Я же умный! Вот мне с умным человеком и поговорить приятно. Господь Иисус лукавство его сердца видел и ничего ему не отвечал. На вопросы лукавого сердца Ирод не получал никаких ответов. Иисус молчал.

Но царь есть царь. Цари так не любят. Так, вообще-то, никто не любит, чтобы на вопросы его не отвечали. А тут еще ни много ни мало – царь!

– Что теперь?

В каком-то смысле царь проиграл. Как выйти из положения достойно? Вот тут-то и оказался кстати хохот. Рассмеялся Ирод, сказать-то было нечего. Рассмеялся Ирод, смешно. На смех поднял Того, Кто перед ним стоял, и Кто не пожелал беседовать с его лукавством.

– А что было еще смешней?

⁷ см. Лк. 13, 32.

Ирод-то знал, в чем обвиняют Иисуса, якобы Он самозванный царь, якобы Он претендует на престол Давида, на престол иудеев. По обычаям иудеев, когда бывали выборы, то кандидат на значимую должность, при обсуждении его кандидатуры, одевался в белую одежду. Ирод говорит:

– Принесите белую одежду, оденьте на Него.

И на Иисуса надели белую одежду. Почитайте в Евангелии, там сказано, что Ирод одел Его в белую одежду. Это была одежда кандидата в цари. Теперь уже вообще смешно! Он – и кандидат в цари.

– А ну-ка, может сегодня день Твоей интронизации, может быть сегодня Тебя воцарят?

Смех глупых, все равно что треск тернового хвороста под котлом. И, правда, Его в этот день воцарили. И, правда, терновым венцом венчанный, восшел на трон Креста и стал Царем царей и Господом господствующих.

Ироду было смешно. В смешном виде выставляет он Подсудимого и отправляет Его назад к судьям.

Суд был завершен, и смертный приговор был вынесен. Перед веским делом должна быть подготовка. Вот мы же к причастию готовимся, молимся. Пост, молитва – подготовка к таинству Причащения. Христа тоже готовили. В преторию притащили Его воины. Было еще немного времени до приведения приговора в действие, и в это время произвели подготовку. Теперь у воинов, которые совершали такую нудную, бесконечно однообразную, такую противную рабо-

ту было время немножко поразвлечься.

Говорят, что этот Человек Себя тут за царя выдал. Тогда, как сказано, в славянском языке очень своеобразно, «и ругахуся над Ним»⁸. Насмешка по-славянски: ругахуся. Нет возможности сильнее отругать человека, чем высмеять его. Самые ужасные слова, даже скверные слова, не так унижают личность человека, как осмеяние его.

И вот – совлекают одежду. Одевают теперь уже не кандидатскую белую, а царскую, красную одежду, багряницу. Если выбрали царем, то и возводить на трон следует уже в багряной царской порфире. Возлагают Ему на голову терновый венец как корону; в руки дают трость как царский жезл. Смешно им было. Смеялись, хохотали, ругались, плевали Ему в лицо, били по щекам. Вот уж душу отвели как могли. Так был осмеян Сын Человеческий.

Современный КВН и наши современные комики так ловко шутят и по несколько часов держат многотысячную аудиторию в состоянии хохота. Тема чаще всего ниже пояса. Люди даже деньги заплатили, чтобы на этого великого шутника прийти. Дорогие, если кому-нибудь из вас вздумается там сидеть и хохотать, то знайте: вы в претории Понтия Пилата, вы с теми воинами, вы смеетесь, ругаетесь над Иисусом. Анекдоты – это и есть то самое.

И очень им было весело, отвели душу. Перед тем как выполнить свой незавидный, непривлекательный долг, совер-

⁸ см. Лк. 8, 53.

шить казнь, они, видите ли, душу отвели.

– А Иисус?

Это была Его подготовка к Причастию. На Кресте была пролита Его Кровь. На Кресте была пробита гвоздями и копьем Его Плоть. Прежде, чем совершилась та страшная Евхаристия Тела и Крови Христа, Он прошел подготовку осмеянием.

Это был страшный смех наглости и глупости человеческой над Ним, над Сыном Человеческим. Над Тем, Кто говорил: «Царство Мое внутри вас есть». «Царство Мое не от мира сего». «Царство мое посреди вас есть»⁹.

– Внутри? Посреди? Не в мире сем?

Смешно, над этим можно посмеяться. Есть другое царство: сильное, мощное – вот это да, это нечто. А здесь внутри, посреди, не от мира сего – смешно. Так смеялись над Ним воины.

Когда Иисус уже висел на Кресте, то и здесь не обошлось без того же самого. Если там был этот лукавый Ирод, если здесь были беспечные грубые римские воины, то когда уже Христос на Голгофе, когда Он висит на Кресте, – кто этим занялся? Чей хворост затрещал под котлом?

Теперь это были ни много ни мало первосвященники, священники, законники, фарисеи. Теперь это была духовная элита народа.

– Вы-то могли бы остановить хохот! Пусть вы и правда

⁹ Ин. 18, 36.

считаете Его злодеем, богохульником, достойным смерти – зачем потеха?

– Если человек достоин смерти, то разве он уже и достоин осмеяния?

Смех – это мера выше высшей меры. Смех страшнее самого убийства. И распинатели не упустили и сюда на Голгофу принести этот яд осмеяния.

Расхохотались духовные вожди народа.

– Если Ты Сын Божий... – ну да, с вашей стороны это богохульство, за это вы Его предали на смерть. Но это что – смешно?

А им было смешно. Смеялись они и насмехались над Ним:

– Давай теперь сходи с Креста, если Ты Сын Божий! Сходи с Креста, и мы в Тебя поверим, Ты будешь теперь наш Христос! Точно будем знать, что Ты Божий Сын.

Ни на миллиметр тогда не шелохнулось тело Иисуса, не сошло с Креста. Ужасными гвоздями прибитый к дереву, в страшных муках висел Сын Человеческий, а они смеялись: и Ирод царь, и воины римские, и священники иудейские. Смешно было.

Может быть из всего, что претерпел наш Господь в ту Великую Пятницу, это было самое страшное. Да, иногда бывает, осуждение ошибочное и по ошибке человека казнят. Сделай это как-то не так. Не с хохотом, не со смехом. А смех глупых, что треск тернового хвороста под котлом.

– Что от этого треска?

Трещит весело, и послушать есть что.

– А потом?

А потом зола, на которую дунет ветер, разнесет в разные стороны и...

А котел так и будет. Посмеялись над немощью Христа, претендующие на некую мудрость, когда Он сказал: «Не умерла, но спит».

Когда человек смеется над Божьей силою, треск этот такой развеселый, есть над чем посмеяться: над святыней, над попами, над христианами, – а потом?

А потом зола, и ничего не осталось.

– Где атеисты? Где их всемогущество, которое 70 лет смеялось над силой Божией? Никто даже ничего плохого не сделал им. Они просто превратились в эту пыль, которую развеял ветер. Вот что такое – смеяться над Божьей силой.

Смеялись фарисеи, любящие серебро и знающие в нем толк, знающие всемогущество серебра.

– Где они в этой жизни?

Смеялись над святостью Иисуса, которая призывала их к милосердию. Если есть эта маммона неправедная, во-первых, не забудь, она – неправедная. Это какой-то страшный приговор всем деньгам. Так думаешь, я жалование получил, это маммона неправедная? Но это приговор Иисуса, не стоит с Ним спорить. Если есть у тебя что, то только для того, чтобы делать добро. Смеялись по этому поводу над Ним фарисеи, а смех глупых, что треск тернового хвороста под котлом.

– Где те, которые имели деньги?

Все до одного превращаются в смердящий труп, который пожирают черви. Давайте откупитесь, у вас же много денег, или хотя бы немного. Все это превращается в золу.

И наконец, те, которые рискнули смеяться над Самим Господом и причинили Ему эту страшную муку. Тому, Кто по Своей бесконечной любви пришел к нам, обнял нас, полюбил нас, исцелил, учил.

Смешно.

Да стоит просто пройти по улице, уже обязательно кто-нибудь посмеется, если вид у тебя христианский. Потому некоторые скрывают христианский вид, чтобы другие не посмеялись. Смешно, смеются над Христом. Смеются над всем, что свято, над всем, что Христово.

Мы знаем, что те, которые судили и распинали Христа, это наши делегаты. Просто мы не в том месте и не в то время живем, но это от нашего лица они Его осудили, продали, предали, распяли и от нашего лица смеялись. О, Боже, не дай кому-нибудь из нас этого ужасного смеха! Этот смех – это треск хвороста, который превращается в золу. Этот человек – это человек с сожженной совестью.

Когда я пришел в этот мир, сердце было костром, оно горело, было прекрасно, излучало тепло, а осталась зола. Совесть сгорела. И нигде она не сгорает так, как в этом смехе. Смех глуп, что треск тернового хвороста под котлом.

Зависть, наущение, малодушие

Что возвело Христа на Крест?

Перед нашим взором Крест, а на Крест вознесен Господь наш Иисус Христос. Что же привело Иисуса Христа на Крест? На Крест Его привели три распространенные, незамысловатые вещи. Первая из них – зависть.

В утро страшной пятницы римскому прокуратору иудейской провинции Понтию Пилату привели Подсудимого, Которого иудейский синедрион приговорил к смерти. А теперь требовалось его утверждение. Этот мудрый правитель, уже много раз видевший перед собой подсудимых, уже много раз общавшийся с обвинителями подсудимых, видел, что настоящей вины в Обвиняемом нет.

Отчасти лжесвидетельства, отчасти вымыслы и даже какой-то откровенный бред, типа того, что Подсудимый решил разрушить храм и за три дня его восстановить. Сейчас бы привели к судье в Абакане человека, который якобы сказал, что хотел дом правительства разрушить и за три дня восстановить. Ну, бред же!

Море. Мгновение. Жизнь

Понтий Пилат это понимал и видел, что Обвиняемого отдали по зависти. Зависть синедриона привела Иисуса Христа на Крест.

– Казалось бы, а чему они завидовали?

То были члены синедриона. Их было семьдесят два человека, довольно большое сообщество очень уважаемых мужей. Это были первосвященники, это были священники, это были законники, мы бы сегодня их назвали юристами. Это были раввины, учителя, мы бы их сегодня назвали профессорами и педагогами. Это были старейшины народные, мы бы их назвали чиновниками, сотрудниками администрации. В

конце концов, это были представители имевшихся в то время партий, как и в наше время есть партии и их лидеры. Так и в то время было.

Это была партия фарисеев, которую раздражало легкомысленное и нестрогое отношение к закону. Они и отделились от всех, чтобы строго соблюдать закон.

Это была партия саддукеев – аристократии того времени, либералов. Людей умных и ученых, которые не хотели все понимать буквально. Они были людьми религиозными, из их среды были тогдашние первосвященники. Они библейские представления понимали, скорее как некую мифологию, как некие образы. Не верить же на самом деле, что кто-то там воскреснет, что есть какие-то ангелы! Нет, это всё только образы! То были ученые люди того времени, не чуждые религии, по-своему ее понимавшие.

Были и патриоты Отечества: зилоты, праворадикалы. И наоборот, их противоположное крыло, иродиане, которые держались не по совести, конечно, а просто по житейской надобности и выгоде стороны оккупантской власти. В общем, в синедрионе была представлена разнообразная палитра, как видите, вовсе не однородная какая-то группа людей.

– И что их всех объединило?

Желание, чтобы Иисус из Назарета оказался на Кресте.

– Почему?

Зависть.

– Что за зависть? Претендовал ли Иисус на лидерство в

партии фарисеев? Претендовал ли Он на первосвященство? Претендовал ли Он на то, чтобы быть старейшиной, ведущим законником?

– Нет. Он ни на что не претендовал. И ни для кого из них не представлял Собою какую-то опасность в их карьерной реализации; в их доходах, в конце концов.

Он был для них Человеком, вроде как совершенно безопасным. Да махнули бы на Него рукой:

– Ладно, пусть учит себе там, ничего же такого злодейского не делает.

Нет, достало их до глубины души. Эти взрослые почтенные мужи аж криком кричали, что Он повинен смерти.

– Что кричало в них?

Зависть.

– Какая зависть? Он же ни на что не претендовал. Он же, вроде как не перешел им дорогу.

А в том-то и дело, хуже всего, что Он шел Своей дорогой. А этого завистливые люди терпеть не могут.

Он шел какой-то Своей дорогой. И она была им непонятна. Он шел каким-то Своим путем, и он казался им неприемлемым. Фарисеи видели, что Его свобода в духе. Его любовь к страждущим как будто бы нарушает отчеканенный в их сознании образ формального исполнения заповеди.

Саддукеев, в конце концов, раздражало то, что они считали бесов благочестивой мифологией, а какая тут мифология, если Он этих бесов изгонял, и они с криком выходили.

Где появлялся Иисус, там вся эта мифология превращалась в самую настоящую реальность. Они же не верили ни в какое воскресение мертвых, они же люди грамотные, неужели они в это верить будут?! А у Иисуса мертвецы даже из гроба выходили! Нет, не вписался Он в их формат.

Ни законники, ни либералы, ни патриоты-зилоты не могли Его воспринять.

– Как так? Нам же надо наше Иудейское царство!

А Он не торопится его восстанавливать.

Эти вечно подстраивающиеся под сильных мира сего иродиане – а Он не подстраивается:

– Идите, скажите Ироду, этой хитрой лисице...

– Что такое? Как Он Себя ведет?

И это все вызывало в них не злость, а зависть.

– Почему зависть?

Потому что где-то в глубине души каждый из них хотел быть таким же, каким был Господь наш Иисус. И фарисеи хотели быть добрыми. И саддукеи хотели верить по-настоящему. И иродиане стыдились того, что они были такими подлизами у оккупантов. И зилоты понимали, что не их народ, какой-то особый народ, а особый Бог! То есть, где-то в глубине души они хотели быть такими как Он, но они не могли!

Они выстроили себе свою систему мироощущения, мировосприятия. А Он, пальцем их не касаясь, самым фактом Своего существования все это разрушает. И это вызывало в них зависть. Они видели, что народ идет за Ним. Не за их

системами, достаточно благочестивыми и разумными, которые они выстроили, а за Ним. И это их сильно задевало.

Кто-нибудь скажет:

– Я не убийца, я не вор, я не бандит, я не прелюбодей.

Как тот фарисей все это произнес. А зависть?

– Ну ладно есть такое, бывает завидки берут.

Дорогие, если у нас хотя бы немножко есть зависти, однажды она приведет того, кому мы завидуем, на крест. Однажды, мы будем кричать, орать:

– Распни его!

И будем требовать этого. Мы забудем свою воспитанность, забудем свое положение, забудем всё. Будем, как дикие мальчишки из подворотни орать:

– Распни Его!

Зависть приводит того, кому мы завидуем, на крест. В этом трудно признаваться. Так вотдля того и Великий пост. А кто сказал, что он легкий? Давайте вспомним:

– Никому не позавидовали?..

А давайте вспомним, где оказался тот, которому мы завидовали? Или, по крайней мере, куда мы хотели его определить, чтобы он там оказался. Зависть ведет на крест. А что мы сделали одному из своих близких, то мы сделали Ему!

– Что еще привело Иисуса на Крест?

Когда Понтий Пилат на судеиском месте сел на судейское кресло, чтобы совершить суд, он понимал, что члены синедриона по зависти сдали ему Иисуса из Назарета. Ничего дру-

того за всеми их аргументами, на самом деле, не стояло. Он решил немножко схитрить. Дело в том, что был такой пасхальный обычай, пасхальный в смысле той иудейской ветхозаветной пасхи. У иудеев это был главный годовой праздник. Объявлялась амнистия одному из осужденных.

У Пилата в это время было несколько разбойников в тюрьме. Некий Варавва с еще двумя, и там же Иисус. Это арестантское подземелье по сегодняшний день сохранилось, где они в ту ночь все и были. Назарянин и эти трое бандитов. И особо мерзким, отвратительным был Варавва.

Не случайно, именно его выбирает Понтий Пилат и говорит:

– Кого хотите, чтобы я вам на праздник, как положено – вы же не откажетесь от своего права, – отпустил? Вот этого Иисуса из Назарета, Царя вашего?¹⁰

Пилат опять немножко ерничает, мальчишескует, потому что Иисуса обвинили, что Он самозванец, царя из Себя строит:

– Или Варавву?

Специально взял самого противного из тех троих разбойников.

– Не выберет же народ маньяка?!

– Если в наше время на праздник будет амнистия одному заключенному, мы разве выберем маньяка?

Будем требовать: «Отдай нам маньяка на свободу!»? Ну

¹⁰ см. Мф. 27, 17.

не совсем же мы всё потеряли в разуме и совести.

Так и тот народ был не хуже нас, который тогда, в ту Пятницу, был там на площади. Понтий Пилат решил на этом сыграть.

Не выберут они Варавву! А то, что там еще некоторые в узах сидят, народ не очень-то и знает. Откуда им знать, кто там еще сидит в каземате?

– Итак: Царя вашего или этого?

Однако, будучи «возбуждены» старейшинами и первосвященниками, как сказано это в русском переводе, а в славянском – «наущены», люди закричали:

– Варавву отдай нам!

Пилат даже растерялся:

– А что я сделаю с вашим Царем?

Те не глупые:

– Нет у нас царя, кроме кесаря, то есть римского императора.¹¹

– Так кого вам отдавать?

– Варавву отдай нам!

В результате, после приговора синедриона, то же самое требует теперь уже вторая инстанция, демократическая – требование большинства народа. Иисус распят демократично.

– Распни Его, распни!

– Что здесь имело место?

¹¹ Ин. 19, 15.

– Наущение. Они были наущены.

– Чем отличается наущение от научения?

Научение – это образование. Хорошее дело, когда человека чему-то учат, если, конечно, хорошему учат.

– А что такое наущение?

Наущение – это от слов «на ухо». Знаете, когда на ухо шепчут. Вот что такое наущение. В славянском «наустили, наушили», то есть нашептали на ухо. Наускивание.

– О, тут есть специалисты, согласитесь!

– Никому мы никогда на ухо не шептали?..

Тот, кому шепчут на ухо: «Ты посмотри только на него...» – смотрит: а и правда!

И начинается процесс. Те старейшины наушили народ, внушили им: «Этого надо распять. Он мерзкий. Он негодяй. Он нехороший. От Него надо избавиться».

Как часто уже нам шептали на ухо:

– Да ты не верь ему. Он хороший? – нет, он не хороший!

Мы робко:

– Как? Да он же мне вот...

Те ядовито:

– Ну-ну-ну, не надо! Знаем мы...

И человек, который нам делал добро, вдруг в наших глазах становится злодеем. Ведь Господь Иисус этих людей учил. Он этих людей исцелял. Он этих людей любил. Он не был для них не известной Личностью. И вот старейшины наустили народ, нашептали в уши – и достигли успеха.

Если уж совсем по-современному – это называется пиар. Пиар – это и есть вкладывать в уши то, что кому-то надо. Это может не иметь никакого отношения к истине. Это имеет отношение к неким поставленным задачам. Все можно прописать, и злодея сделать героем, и героя можно сделать злодеем. Этому сейчас учат даже в университетах, специальность есть такая, учат как это все продлевается. А это страшный грех.

Если мы поддаемся наущению, то раньше или позже мы распнем Христа. Скажете:

– Уж не Христа!

Христос сказал: «Что сделали одному из малых сих, то Мне сделали»¹². А теперь, давайте, тоже вспомним...

– Ой, ну батюшка, давайте, что-нибудь другое вспомним, что-нибудь поприятней?

– А кто сказал, что Великий пост приятный?

Давайте вспомним, не наущали ли мы других и не позволяли ли в свои уши принимать этот негатив, это отрицательное. Когда-то мы думали о человеке хорошо, а сегодня мы уже точно знаем, что он злодей, ну уж, по крайней мере, негодный.

– А что с ним сделать?

– Да убрать куда подальше, а то и распять. Вот что привело Иисуса на Крест.

Иногда наущают индивидуально одного человека, а ино-

¹² см. Мф. 25, 40.

гда это можно сделать даже с миллионами людей. Мы же помним, как еще в недавнем прошлом у нас миллионы людей клеймили позором «предателей» – тех, кто теперь украшение и слава нашей нации. И подписывались ведь коллективные заявления, надо было только наустить на это народ. Возбудить его, вложить ему все это в уши. Да и сегодня такое никуда не исчезло. Возможностей стало еще больше.

Так что это не просто так, развесил уши...

– Знаете такое выражение?

– Так вот, дорогие, не развешивайте уши, а то туда нашепчут, а вы потребуеете распятия. Пусть человека малого, а малого – значит Христа. Что сделали кому-то, то сделали Христу.

Понтий Пилат не ожидал такого поворота дела. Толпа требует Варавву. Иисуса Назорянина требуют распять.

– Что делать?

Он по-прежнему, по-мальчишески, хитрит. Он пытается все-таки выйти из положения:

– Царя ли вашего распну?¹³ Я-то римлянин, меня сюда прислали, я от вас уеду, а вам тут жить, вам нужен ваш Царь. Представительные службы всегда не очень долго длятся.

Он знал, как они тяготились римским владычеством. Он знал, как они не любили римского императора. Он знал, что спроси их, по-честному, по-настоящему – да чтобы сегодня он помер! Еще бы поглубже выразились. Он же это знал. И

¹³ Ин. 19, 15.

вдруг они кричат: «У нас нет иного царя кроме кесаря». Откуда это все взялось? Мы знаем теперь откуда, от наущения это у них.

– А у него?

А он теперь соображает. Дело принимает серьезный оборот. Если они так легко сдают своих, то уж его-то, римлянина, чужака, они с потрохами сдадут, не задумываясь. «Нет у нас царя, кроме кесаря». А кесарь – это прямой начальник Пилата, ему-то он и должен писать отчет.

И тут он понимает, что дело серьезное. Совсем не так уж сложно послать гонца в Рим, дороги были хорошие в Империи. И у императора будет кляуза теперь уже на него. Что он, по должности обязанный блюсти власть кесаря в Иудее, вдруг какого-то самозванца, какого-то политического смутьяна отпускает на свободу.

– Уж, давай, кесарь, разберись со своим Пилатом: он тебе служит? Или он тебе вредит?

И понимает Пилат, что, как минимум, полетит он с должности, а как максимум... у римлян закон был строгий: полетит и его голова.

– И что?

И вот здесь у этого мудрого сильного человека вдруг, а точнее не вдруг (это, конечно, была заскорузлая давняя болезнь) – сработало что?

– Малодушие.

Малодушие что нам не позволяет? Оно нам не позволяет,

если это для нас не выгодно, если это нам опасно, если за это придется поплатиться чем-то дорогим и значимым – не позволяет остаться с правдой. Казалось бы, не самый большой грех: не убийца, не разбойник, не вор, не прелюбодей – просто малодушный.

И правда, не все же герои! Ну есть у меня немножко этого малодушия.

И вот в ту Пятницу малодушие Пилата привело к тому, что он подписал смертный приговор. Это сделать мог только он как представитель римской власти в Иудее. И он это сделал.

Дорогие, малодушие – страшное дело. Казалось бы:

– Да что тут такого?

Если мы малодушны, то не сегодня, так завтра, а не завтра, так послезавтра, при критических обстоятельствах обязательно сдадим того, о ком знаем, что он ни в чем не виноват. Мы сдадим того, кому мы, вообще-то, симпатизировали, но мы его сдадим. Мы будем потом говорить: да я не хотел же это сделать...

Своей совести мы без конца это будем говорить. Ночью мы будем лежать на кровати, сон будет бежать. Мы будем ворочаться, будем постоянно сами себе приводить аргументы, почему мы это сделали, только совести от этого легче не будет.

Малодушие Пилата привело Иисуса Христа на Крест.

Вот три, казалось бы, не самые страшные вещи: зависть,

наущение и малодушие. А Иисус на Кресте. И сейчас Великий пост, давайте беспристрастно посмотрим вглубь своей души, своего сердца: нет ли в нас завистливости, податливости наущению и малодушию?

Не будем считать:

– Ой, да у меня большие есть грехи, что тут уж это, оно подождет.

– Вы знаете, большие грехи иногда меньший вред приносят. А вот эти вещи могут иметь тяжелые последствия. Мы можем оказаться среди тех, кто будет кричать из зависти:

– Повинен смерти!

Мы можем оказаться среди тех, кто по наущению будет кричать:

– Распни Его, распни!

Мы можем оказаться среди тех, кто, даже публично омывая руки и тем самым как бы говоря: «Я не виноват», но по малодушию, все-таки смертный приговор подпишет.

О ком молишься на Кресте, Иисусе?..

Вчера мы вынесли крест, а в тот день большой деревянный Крест нес Он Сам. Осужденный, оплеванный, избитый, изнемогая под тяжестью ноши крестной, Он шел, падал, вставал, вновь падал и опять вставал. И вот уже миновали врата градские, остался позади Иерусалим, Святой Град. Отвергшие Его – позади, впереди – холм, напоминающий внешним видом своим череп человеческий. Голая скала, там совершались казни преступников, и туда Он несет Свой Крест.

Крест снят с Него.

Совлечены одежды.

Он возложен на брусья.

Страшные удары молотка разрывают тьму молчания, в которую погрузилась замершая толпа.

Гвозди и, как некое знамя, взметнувшееся ввысь, Древо Крестное. На нем висит распятый Сын Человеческий.

Провисая под тяжестью Своего тела, задыхаясь, Он прилагает нечеловеческое усилие, опираясь на гвозди, которыми прибит к Кресту. И сделав вдох, на выдохе произносит слова:

– Отче, прости им, ибо они не знают, что творят!¹⁴

– Иисусе Распятый, наш Господь, Сыне Человеческий, о

¹⁴ см. Лк. 23, 34.

ком молишься Ты, вися на Кресте? О ком взываешь к Небесному Отцу Своему, от Которого Ты пришел в этот мир, а теперь висишь на древе смерти, позора и проклятия? О ком молишься Ты: «Прости им, ибо они не знают, что творят»?

– Кого видит мысленное Твое око?

Оно видит ученика Своего Петра. Оно видит того, кто в тяжелый час от Тебя отрекся. Оно видит того, кто зарекался и божился, что даже если все откажутся от Тебя, он будет Тебе верен до конца. А на поверку не выдержал, отрекся. Ученика Своего видит Распятый мысленным взором. И это о нем, об отрекшемся, Ты взываешь к Небесному Отцу:

– Отче, прости Петру, прости его отречение. Он там у креста не знал, что творил.

– Сыне Человеческий, о ком еще Ты молишься к Небесному Отцу, взывая: «Прости им...»?

Пред мысленным взором Распятого обратившиеся к Нему спиной и скорым шагом, а то и бегом, удаляющиеся ученики. В ту ночь они обратились спиной и убежали, оставив Его одного. Это их видит Распятый и взывает к Небесному Отцу:

– Прости им, оставившим Меня в ночи Гефсиманского сада одного. Прости им, убежавшим от Меня в час испытания. Прости им, не поддержавшим Меня в Моих страданиях. Прости им, беглецам, страха ради иудейского. Они не знают, что творят!

– Сыне Человеческий, о ком еще молишься Ты, вися на Древе Крестном?

В Твоих ушах звон монет, тридцати сребреников, брошенных к ногам священников. Ты видишь эту руку, руку Твоего ученика Иуды Искаротского, которая судорожно сжимает сребреники, когда он предал Тебя. Ты видишь эти руки, беспомощно освободившиеся от сребреников, и ученика, не знающего, где ему теперь прощение, где ему теперь искупление. Ты видишь Своего предателя Иуду, который три с половиной года день и ночь был рядом с Тобою. Внимал Твоим речам, вкушал от рук Твоих хлеб. Ты видишь его и взываешь к Небесному Отцу:

– Отче, прости ему, предателю Моему, Иуде Искаротскому, он не знает, что творит!

– Сыне Человеческий, о ком еще молишься Ты?

– Вися на Древе Крестном, на древе позора, проклятия и смерти, Ты видишь величественного архиерея. Ты видишь главу синедриона, Ты видишь Каиафу. Ты видишь того, кто не однажды там, в Святом Храме, возносил жертвы Твоему Небесному Отцу. Ты видишь того, кто имел право единожды в год, входя во Свята Святых, произнести неизреченное имя Всевышнего, а теперь злобно мечущего взгляды и ищущего повод, чтобы убить Тебя. Ты видишь того, кто возглавил позорное судилище, самое срамное из всех, каковые имели место здесь на земле. Ты видишь того, кто злорадно слышит выкрики им же самим наущенных, что сей Сын Человеческий повинен смерти. Ты видишь того, кто как жаждущий в пустыне жаждет воду, так жаждал Твоей смерти. Ты

видишь Его и молишься:

– Отче, прости ему, прости Каиафе, он не знает, что творит!

– Сыне Человеческий, о ком еще молишься Ты, вися на Кресте?

– Ты видишь сурового и мрачного римского прокуратора, мужа мудрого, не злодея. Ты видишь того, кто хотел Тебе помочь. Ты видишь того, кто хотел Тебя отпустить, но по малодушию своему, по невозможности представить себя лишенным своей столь значимой должности, подписал приговор: Распятъ!

Ты видишь его, и там, на Кресте, опираясь на гвозди, на которых висишь, молишься:

– Отче, прости Понтию Пилату, прости, осудившему Меня на смерть, он не знает, что творит!

– Сыне Человеческий, о ком еще молишься Ты?

– Там на Кресте, в Твоих ушах все еще звенит, гремит этот жуткий крик, крик толпы людей, которых Ты учил. Людей, которых питал. Людей, которые еще недавно пальмовыми ветвями встречали Тебя. Ты видишь их, эту толпу, безумно взывающую: «Кровь Его на нас и детях наших!»¹⁵

Ты видишь их и, опираясь на гвозди, на которых висишь, взываешь:

– Отче, прости этим людям, прости этой толпе, прости

¹⁵ Мф. 27, 25.

всякой толпе, которая кричит: «Распни, распни Его!»¹⁶ Они не знают, что творят.

– Сыне Человеческий, о ком взываешь Ты, там на Кресте?

Ты все еще слышишь звон оплеух, и еще не высохло лицо Твое от плевков. Воины римские, доблестные в боях, а ныне, как в игрушки играющие мальчишки, беспечные и не понимающие ничего, в претории прокуратора, бьют Тебя по ланитам, плюют Тебе в лицо, а Ты молишься:

– Отче, прости им, прости этим воинам, они не знают, что творят!

– Сыне Человеческий, о ком еще молишься Ты там, на Голгофе, когда уже и солнце померкло, когда тьма окутала тот холм, когда Ты опирался на гвозди, на которых висел. Когда Ты взывал к Небесному Отцу: «Отче...». Кого Ты видел в тот час, в тот миг за дальними, немереными расстояниями, через глубь веков?

Там, на Кресте Ты видел меня; там, на Кресте Ты видел каждого из нас, Ты молился:

– Отче, прости ему – Геннадия и Ивану, Олегу, Татьяне, Ольге и Лидии... прости им, они не знают, что творят!

Там на Голгофском Кресте Ты видел нас. Там Ты молился о нас: «Отче, прости им, они не знают, что творят».

¹⁶ Ин. 19, 6.

Сердце, уязвленное любовию Христовой

Преподобный Сергей Радонежский

Все мы, конечно, видели нередко изображаемый символ – сердце, пронзенное стрелой. Это сердце уязвлено. Человек уязвленный – ранен. Мы видели раненых. Рана бывает такая, что человек в ужасе бежит от наносящего ее. А бывает и иная. Бывает рана такая, что уязвленный уже никак не может отступить от ранившего. Это – язва сердечная от стрелы, пронзившей сердце.

Сегодня вся наша Россия чтит память великого Божия угодника – преподобного Сергея Радонежского. В кондаке – кратком песнопении, живописующем образ преподобного Сергея, говорится: «Христовою любовию уязвився, Преподобне...»

– Христова любовь – это что?

Это та любовь, которою Сергей возлюбил Христа? Или это та любовь, которою Христос возлюбил Сергея?

Божественный стрелок оттуда – с неба – запустил стрелу, и эта стрела пронзила сердце Радонежского чудотворца. Это любовь, которою Христос возлюбил Сергея. Этой любовью

Сергий был ранен. Эта стрела пронзила его сердце.

– Как это случилось?

– О, и не однажды!

Житие Преподобного большинству из нас хорошо знакомо. Позволю себе напомнить некоторые случаи, когда Небесный стрелок попадал в это сердце.

Преподобный Сергий Радонежский

Известно, как в 1314 году боярыня, женщина знатная, благочестивая, стояла в храме во время Божественной литургии по обычаю ли того времени, по своей ли скромности в притворе, и там молилась Господу. Она пришла заранее, все шло по установившемуся в поколениях порядку. И вдруг, перед чтением Святого Евангелия – детский крик. Евангелие читают, а тут ребенок кричит, как от резкой боли. Многие невольно оглянулись туда, где закричал ребенок, правда, никого не увидели. Когда начали петь Херувимскую песнь, приступая к таинству, опять этот же крик нарушил благоговейную тишину и сосредоточенность. Опять оглядываются. Невольно их взоры скрещиваются на той женщине боярыне. А когда уже по совершении освящения Святых Даров, священник вознес их, возглашая: «Святая Святым» – вновь этот крик. Подошли несколько человек к этой женщине и хотели ей помочь, как-то уладить с ребенком. Она, потрясенная и смиренная, опустив глаза стоит – ребенка нет. Нет, он есть – только в ее утробе, он еще не родился. И там, в утробе материнской, трижды Божественный стрелок поразил сердечко, уже быющее, но быющееся еще в утробе матери. Этого мы не можем никак объяснить, но это было.

Так бывает не с каждым. Это бывает редко. Господь избрал этого младенца и поразил его еще прежде, чем он родился. Этот младенец еще только родится, а уже будет раненым. Родовая травма. Раненые не для всего годны. В наше

время мы их называем людьми с ограниченными возможностями. Этот младенец был раненым, когда только родился. Судя по всему, для этого мира он будет малопригодным. Едва ли из него получится хороший боярин, или полководец, или кто-либо иной. Эти возможности в нем уже ограничены. Родился раненый ребенок. Христовою любовью уязвился, Преподобне.

Да, это великая тайна Божественной любви. Может быть, некоторые скажут:

– Ну это же точно не про меня.

Как знать. Когда мамочки так смело бегут, регулируя и планируя свою семью, освобождаться от ненужного бремени, возможно, что стрела Христовой любви уже пронзила это сердце. Сердце, которое ты сейчас хочешь пронзить мечом металлическим и выскрести его оттуда.

Не всегда бывает так, чтобы трижды за литургией раненый громко вскрикнул. Раненые однако же кричат неслышно для этого мира. Эта рана наносится многим, и не нам судить, может, всем. Христова любовь, она касается уже плода в утробе материнской. Уже там эта стрела настигает еще не родившегося, но уже существующего. Уже бьющееся сердечко поражается стрелой Божественного стрелка Христа.

Вот уже и отрок, и учиться пора. В семье всего три брата. Старший и младший, Стефан и Петр, учатся вполне успешно. Там были и другие мальчики, понятно, боярская семья. Таковых учили и в те времена, и неплохо учили. Правда учи-

ли не по тем букварям, где «мама мыла раму», а учили по тому букварю, где «блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»¹⁷, по Псалтири, по священным текстам. А у этого отрока, которого тогда еще звали Варфоломей, учеба не шла. И сейчас в каждом классе есть дети, у которых учеба не идет. В каждом классе есть троечник, к сожалению, бывает и хуже. Правда это уже не от ума, а от тунеядства, или от родительского не попечения. Однако, здесь не было тунеядства, было и родительское попечение, а успешности не было, скажем, по-нашему, троечник. Не шла учеба, не мог он взять эти святыя книги и читать их должным образом. И отрок печалился о том, что учеба не шла.

На первый взгляд – ничего особенного, все так просто, буднично, обычно. Однако если всмотреться, если вслушаться в эту печаль неуспевающего отрока – это была очередная рана, которую нанесла ему Христова любовь. Он так хотел читать слово Божие и не мог. От того ли печалился, что не успевал, или от того печалился, что слово Божие, что святыя страницы остаются ему недоступны. Вот эта печаль неуспевающего – это была боль от раны, которую нанесла Христова любовь.

С этой раной послали его за конями, как некогда Саула за ослицами. Он выполняет отцовское поручение и видит старца в священнической одежде. По всему пресвитер-монах, в куколе схимническом, молящийся под деревом, под дубом.

¹⁷ Пс. 1, 1.

И уязвлено сердце отрока – ведь он так не может! Берedit рана, неудовлетворенная любовь. Он любит Христа, а слово Христа за пределами его возможностей. Он человек с ограниченными возможностями, он ранен.

Когда мы сейчас кричим на неуспевающих, то, может быть, иногда надо приостановиться, а может это рана, нанесенная Христовой любовью? Надо еще уразуметь смысл происходящего.

Заговорили отрок и этот странствующий пресвитер-монах. И отрок, расположившись, открыл ему свою печаль, открыл ему рану своего сердца. Христос поразил это сердце. Христовы слова далеки и недоступны, скорбел отрок, печалился. И тогда этот монах дает ему маленькую частичку просфорки и предлагает ее скушать.

– А то он просфоры не ел!

– Но теперь съешь вот эту и получишь желаемое. Преподобный благоговейно вкусил частичку просфоры.

А потом благовоспитанный мальчик не отпустил этого странника, а повел его домой. Тот сказал родителям, что великим будет ваш сын, но в чем – это покажет будущее. Только на следующем же уроке он взял тогдашний букварь. Это был Часослов. Он стал ровно, красиво, легко читать псалмы третьего часа.

– Блаженный отрок, когда больше уязвилось твое сердце? Тогда ли, когда ты читать не мог, или тогда, когда читаемые слова, как река, потекли из твоих уст?

– И тогда, и тогда. И то была рана любви Христовой, и это тоже. Раненый этой любовью, он не может теперь оторваться от книг, в которых ему открывается целый океан Христовой любви.

Вырос, но он же раненый. Из него из раненого едва ли получится толковый боярин, толковый хозяин, на что так рассчитывал его отец. Едва ли из него получится славный ратник, поражающий супостатов на поле брани. Едва ли из него получится толковый купец, который бы как тот Афанасий ходил за три моря. Он ранен Христовой любовью и ничего другого, кроме Христа, уже не хочет. Его влечет к Нему, к Тому, Кто его ранил. Сердце тянется туда, откуда пущена стрела.

Он хочет в монастырь, и даже не в монастырь. Он слышит шум леса и видит одиночество в дремучей чаще, где уже никто и никак не отвлечет от возлюбившего его Христа. Как невеста к жениху, так хочет он ко Христу, но родители – старые. Родители благоговейно отнеслись к желанию сына. Однако же другие два брата уже создали свои семьи, и только на него было упование, что он досмотрит их старость. И вот этот раненый, уж как получалось, как мог, но он остался с родителями. Родители, действительно, были немощны и скоро ушли в мир иной.

Теперь этот раненый, уязвленный Христовой любовью, потащился, побрел. Кто-то, на него глядя, сказал бы «куда глаза глядят». Но не куда глаза глядят, а куда сердце влек-

ло, — ко Христу. Христовой любовью уязвився. Он побрел в Радонежский лес. Многие из нас там были, однако, мы должны понимать, что тогда там было не так. Тогда туда не ходила электричка, что от Москвы до Александрова. Не было еще и площади трех вокзалов, и не было никакого Сергиева Посада, а был лес и еще раз лес, а за этим лесом опять лес. И вот туда сердце, раненное Христовой любовью, увлекло его.

Как счастливы новобрачные, когда уже не мечты, не желания, не намерения, а когда — пришло. Когда детство, друзья и родительский дом оставлены и уже нет никого, когда есть только он и она. Как счастлив бывает человек в этой своей первой любви. И вот в Радонежском лесу Он, уязвивший это сердце, и она, душа юного отшельника уязвленная, раненная Христовой любовью. И они вдвоем. И Радонежский лес превратился в брачный чертог, где юная душа, сочеталась с Тем, Кто ее уязвил.

А потом мы все знаем, что бывает. Потом бывают будни семейной жизни с их нудностью, долготой, трудностью и много-много с чем. Здесь все было точно также. Великая радость святого сочетания с Уязвившим Своею любовью Христом даруется новонаначальному. Она даруется этой чистой душе, сочетающейся с Возлюбившем ее, а потом будничные труды реальной жизни. И дальше у него было скажем так, далеко не до духовной романтики. Гнали его оттуда и бесы, и люди. И нашли его там, и один не остался, а потом дети пошли, как бывает. Рождались один за другим духовные чада,

уже двенадцать братьев свои кельи вокруг его кельи построили. Потом и того больше, а там, как всегда, всякое было.

Никогда не исцелялась эта душа. Однажды раненная, она всегда кровоточила. Никогда не проходила эта любовь. Страсти проходят. Кстати, бывают и духовные страсти. По духовной страсти мы готовы мир перевернуть, а главное, ведь с этого и начинаем, начинаем мир переворачивать. А потом, как огонь, прогорает, остается зола.

И где ревнитель?

Вчера был на всех службах, теперь уж полгода как нет. Неужели сгорел?.. Бывают и духовные страсти, они не от Бога.

Христова любовь поставляет нас на колени, она источает из нас раскаяние, требует от нас чистоты, которой у нас нет, о том скорбим и очищаемся и это все нелегко. Христова любовь, которую уязвляется сердце, она требует этой любовью делиться. И он не очень рад был, когда появились первые ученики, но этой любовью надо делиться, и он делился ею щедро. И ни разу он не сказал: «Как вы мне тут мешаете, я же Христов, я хочу быть со Христом». Любовь, уязвившая сердце Преподобного, воспламеняла сердца тех, кто был рядом с ним.

Однажды, уже в преклонных годах, святой старец, преподобный Сергей, стоит в алтаре, совершает Божественную литургию, всё – как обычно. Послушники были и братия, молящаяся в храме, и такие знакомые слова, произносимые одно

за другим. Подошло время, когда надо приступить к Святой Чаше. Божественный стрелок опять пустил стрелу и дивный огонь воспламенился на престоле, обошел вокруг, это видели находившиеся в алтаре, и вошел в Чашу, когда Преподобный поднес ее к своим устам. И причастился он огня, огня Божественной любви.

Но это же опять не про нас: у нас так не бывает.

– А вы поверите, бывает.

– Бывает! Только нашими глазами мы этого не видим. А Божественный огонь – он нисходит. Огненные языки Духа Святого низводятся. Это стрелы любви Божественного стрелка Христа, крестящего нас Духом Святым. Этот огонь наполняет Чашу, и от этой Чаши мы приемлем дар Божественной любви. Уста наши прикасаются к нему, точно так же, как уста Преподобного.

Даже земной огонь жжет одинаково и того, кто его видит, зрячего, и того, кто не видит, незрячего. И пусть скажет незрячий: «А какой еще огонь – я его не вижу?» Вскрикнет он от одного прикосновения к нему! Божественный огонь обычно мы не видим, но от этого он не перестает быть огнем. И каждый раз, когда мы приступаем к Святой Чаше, уязвляется наша душа Христовой любовью.

Мы порой скорбим: ну, где же моя любовь ко Христу? Ее так мало! Я подхожу к Чаше с каким-то рассеянием и подготовился не так, как бы хотелось, да тут еще кто-то мешает рядом. Так речь и не идет о моей любви ко Христу, а о люб-

ви Христа ко мне. Его любовь уязвляет мое сердце, и после этого я ранен. После этого я уже не могу нормально ходить и все делать. После этого в мире я очень ограничен в своих возможностях. Многое, что делает и чем хвалится этот мир, я не могу и не хочу.

Это дивное и святое состояние дарит нам Господь. Когда стрела Христовой любви пронзает наше сердце, попробуй пойти и сделать грех, попробуй накричать, попробуй обидеться. Попробуешь, и не получится. Когда Христова любовь уязвляет сердце, грешить невозможно.

Мы с вами слишком крепкие и здоровые хлопцы, поэтому у нас грешить получается. А вот когда Христова любовь уязвит наше сердце, тогда уже невозможно. Не столько наша борьба с грехом дает нам от него освобождение, сколько любовь Христа, которая поражает наше сердце. А поэтому стань мишенью Божьей, пусть стреляет!

Пусть эта стрела Божьей любви достигнет моего сердца, из которого исходят злые помыслы, убийства, кражи, прелюбодеяния и все остальное, как сказано в Евангелии. И раненое сердце, оно уже не сможет все это делать. Пораженный Христовой любовью, с этой стрелой в сердце, уже не хочет больше ничего.

Преподобный Сергей не был крестьянским парнишкой, которому на роду было написано копать огород у своего барина. Это был человек, которому открывались все виды блестящей карьеры, какие на то время существовали. Он этого

ничего не захотел. Уязвленный Христовой любовью уже и не может думать о другом, не отвлекается ни на что другое. Все остальное перестает быть и волновать его душу.

Другой, тоже уязвленный Христовой любовью, говорил, что не хочет ничего знать кроме Христа и притом распятого. А все остальное? «А все остальное, – он сказал, – почитаю за сор»¹⁸.

Дорогие, ну, сколько мы еще с вами будем этими мусорщиками, которые копаются в мусоре? Уязвленный Христовой любовью, он уже ничего другого не хочет, у него одно желание и одно устремление. Уязвленный Христовой любовью не может грешить, не может желать чего-то другого, кроме Христа. А что с ним случается, когда он достигает Уязвившего его? Сколько у нас девушек, которых достигла любовь молодого человека – а потом? А потом через год, через два, через десять – полное разочарование. А я-то думала... а я-то надеялась... – и что? И никакого счастья и никакой радости жить с этим человеком уже нет. Что-то произошло глубинно не так. Прогорела очередная страсть, опять потухший костер, оставивший только кучку золы после себя.

Если на золотой свадьбе спрашивают: «Когда вы любили друг друга больше – тогда, 50 лет назад, или сейчас?», то супруги, морщинами покрытые, медленно и неловко передвигающиеся, смотрят друг на друга как тогда, полвека назад. Разве мы понимали тогда, что такое любовь, это же было все-

¹⁸ см. 1 Кор. 2, 2.

го лишь начало.

– А потом?

– А потом любовь росла. Без мудреных слов – счастье.

– Что такое счастье?

– Это с частью. Они имели друг в друге часть.

Уязвленный Христовой любовью имеет часть со Христом; больше того – Христос имеет часть с уязвленным! Такая любовь не иссякает. Она не вспоминает: как же некогда было хорошо! Батюшка у нас был тогда хороший, и в храме все было не то, что сейчас. И я был какой-то не такой, и другие были не такие, и как-то всего хотелось и желалось.

– А теперь?

– А теперь по будням ненастье и в праздники дождь, и радости никакой. Это – когда не уязвлен сердцем. Уязвлен, но только быстренько с этой раной справился, ума хватило стрелу удалить, а самому выздороветь.

– А потом?

– А потом счастья никакого. Живи себе здоровеньким. Исцелился от Христовой любви. Затянулась рана, больше не болит.

Христовой любовью уязвленный счастлив. Букварь преподобного начинался не «с мамы, которая мыла раму», а с «блажен муж». Счастлив муж, и это счастье, это блаженство – состояние души уязвленной любовью Христовой, которой Христос обладает. Нет, не мы Им обладаем! Когда мы пытаемся овладеть Христом, у нас плохо получается, надо

сдаться – пусть Он овладеет мною. Пусть будут не мои героические дела, с помощью которых я Его достал, а моя немощь, моя незаживающая рана. Он мною овладел.

– А я?

– А я сдался.

Христовой любовью уязвлен преподобный Сергей. Уже не может жить во грехах, уже не может хотеть чего-то другого. Счастлив, с частью во Христе, «блажен муж».

Мы все видели образ сердца и стрелу, пронзающую его. Пусть это будет мое сердце, пусть это будет стрела Христовой любви, пусть это будет моя никогда не заживающая рана.

После службы народ подходит к целованию креста. Вот очередной прихожанин, врач-кардиолог. Глаза блестят и дрогнувшим голосом: «Батюшка, пусть никогда на сердце не заживает рана!»

Глава 2. Что мне делать, чтобы спастись?

Праведный Финеес

Страсти

Среди ныне почитаемых святых, есть один, о котором нечасто говорят. Многие о нем ничего и не знают, история очень древняя, почти три с половиной тысячи лет тому назад. Она описана на страницах одной из первых книг Священного Писания в книге Чисел, очень поучительна и перекликается по содержанию с совершаемым ныне поминовением преподобной Марии Египетской. Это праведный Финеес.

А история была такая. Народ Божий Израиль под водительством великого Моисея вышел из Египта и передвигался постепенно к пределам Обетованной земли. Много было у израильтян противников, они никому не были в радость. Народы, населявшие те места, ужасались. Они хотели поразить и даже, если можно, уничтожить израильтян. Но раз за разом Сам Бог поборал противников. Сам Бог стоял за Израильский народ.

– Что делать?

Нашелся один языческий пророк Валаам, который догадался, что можно сделать. Израильтяне не просто народ, это народ Божий. Если на народ Божий ополчаться, то Бог Сам

поборают за него. Бог поругаем не бывает. С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь – вот что воспевают израильтяне. Силой их не возьмешь, но можно по-другому. В чем сила народа Божьего – в том можно создать и его слабость. Сила в том, что с этим народом Бог. Значит, чтобы повергнуть этот народ, есть только один способ, чтобы Бог с ними не был. А тогда уже с ними как-нибудь можно разобраться.

И вот Валаам, этот языческий пророк, научил, что надо делать. Все люди слабы, особенно по седьмой заповеди. Надо заслать туда женщин-блудниц, и они введут израильтян в грех. Причем нужны не обычные женщины, а именно блудницы. Нам это сейчас даже трудно представить, но в то время были языческие культы, с участием жриц-блудниц. Жрицы тогдашнего мадианского бога Ваал-Фегора и были блудницы, о которых в этой истории говорится.

Блудодействие входило в служение и поклонение, которое совершалось перед этим идолом. Жрицы Ваал-Фегора, блудницы, не просто блудили ради блуда. Совершался ритуальный блуд. Вот их-то и надо заслать туда к израильтянам, и они по слабости человеческой природы впадут в блуд. А вместе со жрицами-блудницами к израильтянам притащатся идолы. И вот тогда Бога с этим народом уже не будет. Бог отвернется от этого народа. Израильтян даже не надо будет избивать, Бог Сам их побьет.

И вы знаете, сработало. Моавитяне и мадианитяне в этом деле тогда объединились. Они заслали жриц. Была среди них

такая верховная жрица Хазва, дочь некоего царствующего мадианитянина Оммофа. Она также хорошо понимала, что надо не с простыми людьми дело иметь, а с предводителями. Рыба гниет с головы. И ей удалось заманить Зимри – одного из двенадцати предводителей израильтян – в свои лукавые блудные сети.

Грех пошел как язва, как вирус, как зараза. И все сработало – Валаам был умен. Бог не только отвернулся от этого народа, Бог Сам стал наказывать его. Пошла какая-то язва, точно не сказано какая, но она была страшная, повальная и народ буквально выкашивало. Двадцать четыре тысячи трупов полегло там в пустыне.

Моисей, Аарон-первосвященник, вожди у скинии собрания, тогдашнего переносного храма плачут, не знают, что и делать. И вдруг торжественно, нагло, бесцеремонно этот самый юноша Зимри идет вместе с блудницей, жрицей Хазвой. Они нагло проходят прямо мимо Моисея и Аарона-первосвященника и шествуют к шатру этого самого Зимри. Входят в него и занимаются своим богомерзким делом. Тут и воспылал дух Финееса.

Финеес был внуком архиерея, внуком Аарона. Он никому ничего не говорит, берет копье, входит в тот шатер и пронзает Зимри и Хазву. И язва остановилась. Божье наказание прекратилось.¹⁹ Божье благоволение вернулось к своему народу. Вот такая история.

¹⁹ см. Чис. 25, 7–18.

Преподобный Ефрем Сирин размышляет о том, что этот случай напоминает наше спасение. Моисей, пророки, вожди, цари в древности плачут о народе Божьем. Что говорить про язычников, даже в народе Божьем бывает грех и отступление от Бога. Ни закон, ни пророки, ничто не могло остановить людей от всеконечной гибели.

И вот тогда, как некий Финеес, приходит Христос. И Своим крестом, как тем копием, пронзает диавола, поражающего человеческие души. И язва прекратилась. Пришло к нам спасение.

Имеет это значение и более близкое к нам, тем более в дни Великого поста.

– С чем это можно сравнить?

Народ Божий – это сегодня мы с вами. Мы вышли из мира, как те из Египта. Те через Чермное море, мы – через крещение. Мы теперь странствуем к Обетованной земле, к Небесному Ханаану, к берегам вечной Отчизны. И в этом странствовании бывают искушения. И все точно так же, как тогда. Только внешне как-то меняются условия, обстоятельства, а внутренне всё также.

Культовое блудодеяние. Тот человек, Зимри, – образ каждого из нас. Это образ нашей души. А та жрица-блудница, нечестивая Хазва – это порочная страсть. В том числе и непосредственную блудную страсть. Как Зимри и Хазва соединились, так и в нашу душу входит эта страсть. Даже народ Божий очень часто поражается этим грехом.

Причем, смотрите, тому человеку важно было открыто пройти мимо Моисея, вождя народа, мимо Аарона архиерея, мимо скинии, храма Божьего. Вообще-то блудные дела любят темное время суток. Грех сокрытый – это еще мелочь. На этом страсть никогда не остановится. Она хочет публичности и легализации. И сейчас те народы, которые некогда были христианскими, публично блудодействуют.

Блуд был всегда, но в темное время суток. Теперь же в кино, в интернете, везде идет прямая легализация этого греха. Звезды эстрады, кино, не стыдятся, не стесняясь, воспевают все это. И этого мало, нужна не только публичность, нужна еще легитимность. Надо еще конституционно внести поправку в закон, чтобы все это было узаконено.

Грех не может удовлетвориться скромной безвестностью. Он хочет царствовать. И в этом печальном состоянии находятся сейчас народы, которые некогда именовались христианскими. И некогда несшие свет, теперь очень часто омрачают мир тьмой порока и греха:

– Где тот Финеес? Где то копие, которое пресечет грех?

А теперь еще ближе к нам, уже конкретно к нашей душе. Да, моя душа, это я, тот самый Зимри. Моя душа сочетается с порочной страстью. И вы знаете, это не обязательно блудная страсть, страстей ой как много! Душа сочетается со страстью. В моей жизни двадцать четыре тысячи трупов – имеется в виду, а все у меня не ладится.

– Батюшка, ну что такое? – все у меня не идет! И на работе

никак, и с зарплатой не то, и с родителями не клеится, дети не такие, муж – вообще никуда, и все плохо. Все сыпется, все валится и все разрушается. Это внешне, но, что хуже, люди на это меньше обращают внимание – внутренне все сыпется, разрушается.

В моей душе ничего не создается. Мой духовный мир не устроится.

– Почему?

Перейдем уже прямо к нам православным прихожанам:

– Мы же каемся в грехах?

– Каемся.

Но чаще всего мы каемся, как анкету заполняем: вот это было, это было, этого не было и этого не было, этого не было, а то было. Как бы отчитались. И грехи, о которых мы говорим и каемся, в которых признаемся, чаще всего являются внешними проступками. Вчера поругался, кто-то скверным словом бранился, кто-то поссорился с кем-то, неправду сказал и так далее. В таких грехах каяться не очень трудно.

Это поступок не очень хороший, ты его сделал и в нем каешься. И каешься много лет в таких вещах, а никакого движения внутреннего нет.

– Почему?

Потому что мы каемся в поступках, но не в страстях. Пока живет во мне страсть, пока моя душа с нею сочетается, пока мой шатер – мой внутренний мир с этой страстью, пока они вместе, никакого продвижения нет. Ну вот, чтобы было бо-

лее понятно. С блудной страстью все ясно, а вот, например, другие случаи.

Все – пыль передо мной. И я веду себя именно так, что все пыль и потому топчу ее или стряхиваю с себя.

– Кто в таком грехе покаялся?

Может быть, до такого еще и не дошло, чтобы мы так про себя себе сказали. А именно это, возможно, и есть основная движущая сила моей души. Я могу признаться, что вчера поспорился, что вчера я выругался, что-то другое сделал, это я могу сказать. Но я не скажу себе, почему я это сделал. Трудно себе признаться в страсти, что все вокруг меня – пыль, что смотрю я на других именно так. Чтобы созреть до такого самопризнания, где тот Финеес, который пронзит меня с этой страстью?! И пока сочетание моей души с этой страстью не опознано, не осознано и не умерщвлено, действует в моей жизни язва. Господь поражает мою душу, и ничего в ней не клеится.

Или, например, такая страсть: все виноваты! Все передо мной виноваты, я имею право на любого человека обидеться. Все мне делают не очень хорошо, а то и откровенно плохо. А дальше уже, исходя из этой страсти, с которой сочеталась моя душа и давно спит с нею в этом шатре, как следствие произрастают те неприятности, те нехорошие поступки, которые в моей жизни случаются. Я легко их вижу, иду на исповедь, в них исповедуюсь, а дальше ничего не улучшается.

Надо признаться не просто в проступках, а что во мне есть

такая страсть, есть такая Хазва: все виноваты, и я с ней в шатре. И пока я это не осознаю, продвижения вперед не будет. Вот почему очень часто люди не продвигаются духовно, потому что не хотят признать в себе, что они сочетаются с этой страстью. Ну, и пока это будет, будет продолжаться Божья казнь. Не внешних, а наш Господь нас и будет поражать. А для внешних мы тогда вообще ничто. Они легко с нами будут справляться. Отсюда наша беспомощность. Мария Египетская, в честь которой сегодня день, все это пережила в отношении к своей страсти. Сначала была беспомощна, потом ее победила.

Дорогие, позволим себе это страшное дело, которое сделал праведный, очень честный и в некотором смысле беспощадный Финеес. Заглянув в шатер своей души, увидим ту страсть, с которой сочетались. Не хватает у самих сил, тогда обратимся к тому, кто может нам помочь, к духовнику ли, к кому иному, который укажет нам на эту страсть. А потом надо быть опять беспощадным, надо взять и пронзить.

– Ну как? Это же я – себя в себе пронзить со страстью – нет, так не пойдет! Я просто себя теперь буду хорошо вести.

– Не получится! Надо пронзить свое сочетание с этой страстью. И тогда кончится язва. Тогда не только я, а весь народ, вся моя семья, все кто со мной, все вокруг меня облегченно вздохнут. Мир Божий придет к нам.

Непрощение

Притча о должнике

Господь Иисус сказал притчу. Некий царь решил посчитаться со своими работниками. Один из них был ему должен. Причем был должен какую-то невероятную сумму, десять тысяч талантов. Талант это двадцать шесть килограмм серебра, это семь тысяч динариев, это какие-то миллионы.

И вот царь вызывает этого человека, своего должника, требует от него возвращения долга.²⁰ Все сроки вышли. Царь угрожает должнику, что продаст его и жену, и детей, если он не рассчитается за свой долг. Подчиненный этот падает в ноги господину и умоляет потерпеть еще немного, продлить срок. Обещает каким-то образом рассчитаться. А царь смотрит на него, понимает безвыходность ситуации и не срок ему продлевает, а просто все прощает. Все полностью – иди, ты свободен, прощен.

Можно себе представить – какая радость! Как легко было этому человеку, когда он вскочил с колен, когда выбежал от своего господина. И тут он встречает своего товарища. А этот товарищ был в свою очередь должен ему сто динариев.

²⁰ см. Мф. 18, 23–35.

Вообще мелочь, может быть, на мороженое хватило бы. Сто динариев, всё! И куда тут! – вдруг такая важность поперла, вдруг откуда-то злоба вскипела. Он закричал на должника-товарища, потребовал возвращения долга и даже стал душить его. Как будто бы тем самым выдавит из него эти сто динариев, и бросил его в темницу.

А другие, те самые товарищи, видят это. Они крайне смущены.

– Как так? Только что получил прощение такой гигантской суммы, а тут какую-то абсолютную мелочь не мог простить своему собрату!

Пошли и пожаловались тому царю. Когда царь об этом услышал, то он разгневался, велел вызвать этого не прощающего человека и отдал его истязателям, до тех пока не вернет свой собственный долг, все до последнего. А едва ли это будет возможно.

Вот такая притча, она верующим хороша знакома. Она показывает нам, как опасно не прощать, какое страшное дело непощение. Непощение – это такая своеобразная вещь, чтобы ею заболеть, не надо ничего плохого делать. Все грехи имеют такое свойство, что для того, чтобы согрешить, надо сделать нечто плохое. А тут плохого ровным счетом ничего делать не надо. Плохое пусть делают другие. Я же за них не отвечаю. Я ничего плохого не сделал. И вот уж я, хороший, этого и не прошу, ведь они это плохое сделали. Такая своеобразная вещь. Сам ничего плохого не делал.

Непрощение страшно по своим результатам. И на эти результаты указывает явно или подспудно притча, сказанная Господом.

– Какие?

Смотрите, этот человек получил прощение всего своего гигантского долга, он уже на свободе, с него ничто больше не причитается. Но когда он не простил своему собрату, тогда что? Тогда царь, господин, взыскал с него уже ранее прощенный долг. Вот чем опасно непрощение: уже прощенный долг теперь с меня сполна взыскивается.

Кто из нас, верующих, не склонял колени пред Господом и не слышал слова такие благостные, такое утешение несущие, произносимые священником: «Прощаются и оставляются тебе грехи твои». И Христос прощает и оставляет. Мы встаем с колен, действительно, прощенными. Грех нам больше не вменяется, его больше нет. За отсутствующий грех, естественно, никто из нас никогда не будет наказан.

И, казалось бы, это невозвратно. Есть же вещи невозвратные. Не у всякого движения есть обратный ход. Казалось бы, Божье прощение не имеет обратного хода. Если мы так думаем, то ошибаемся. Оказывается, есть. Я уже прощен, грех с меня снят. Я допущен до Святого Причащения. Я соединился со Христом. У меня все хорошо, но я не простил тому, у кого не все хорошо. Грешнику не простил, человеку, виноватому передо мной. И тогда те слова о прощении меня, которые я слышал, вычеркиваются в той небесной книге жизни

и изглаждаются. У Бога есть своя «стирающая резинка», все это стирается. И я опять со своим грехом. Более того, за мой грех, теперь-то уж наверняка, будет мне наказание.

Если мы грешим, Бог далеко не всегда нас наказывает. Но если мы не прощаем грех ближнего, другого, то нас постигнет наказание за наш уже прощенный грех. И теперь с нас взыщется по полной. Ранее мы были прощены просто так: иди, все прощается и разрешается, ты на свободе. Теперь уже так не будет. Вот какую страшную опасность несет в себе непощение грехов. У великого Бога, у Которого после «да», казалось бы, никогда не может быть «нет», у Самого у Него это может быть по причине моего непощения.

Авва Агафон, как и любой человек, иногда подвергался искушению не простить ближнего. Он, будучи праведен, видел, что человек рядом согрешает. Но тут же сам себе говорил:

– Я этим же грехом грешу еще больше. У него сто динариев, у меня – десять тысяч талантов.

И когда сам себе скажешь, что этим же грехом гресишь еще больше, то пропадает желание считаться с тем должником.

Это не все беды, которые бывают от непощения. От непощения бывает еще и другая беда. Сейчас мы с вами на языке арифметики размышляли, но грех – это нечто более глубокое. Грех – это повреждение нашей природы, это порочная страсть, это духовная болезнь. И вот случается, что

мы не только получаем прощение нашего греха, – это хорошо, – но это еще не главное. Происходит большее – мы освобождаемся от порочной страсти. Мы исцеляемся. Нас не просто отпустили на свободу, нас вылечили, выписали из больницы.

Господь Своею благодатью помог нам справиться с какой-то страстью, с каким-то пороком. Может быть, достаточно тяжелым пороком. Для порока не обязательны дела. Сребролюбие – для этого не обязательно воровать, достаточно страдать о деньгах. Плотская страсть – для этого не обязательно бегать в дом терпимости, в самом себе сгораешь от этой страсти. Тщеславие – для этого не обязательно быть звездой, о которой все говорят. Сам себя постоянно нахваливаешь! У нас есть страсти, и вдруг происходит великое дело, которое верующий, совестливый человек очень ценит. Господь дает освобождение от страсти, и больше она не мучает. Ушла страсть. Даже искушения нет.

Но вот мой ближний, мой должник грешит, и я ему этот его долг, его грех, возможно, и в отношении меня совершенный, простить не могу. И тогда не только отменяется мое прощение, и я подвергаюсь наказанию, тогда происходит нечто более глубинное, – ко мне возвращается порочная страсть. Я опять болен. Причем эта страсть может вернуться в еще большей силе, чем она была раньше. Это страшно!

Если за грехи поступков как-то можно получить прощение, забыть, то со страстями так не получается. Если у меня

порочная страсть, а ты мне говоришь:

– Батюшка, я тебе прощаю, что ты сребролюбивый.

– А мне от этого легче?

Если это меня томит и томит, хоть десять раз мне прощай. Это мне не помогает. Мне от этого толку нет, меня исцелить надо.

Смотрите, как страшно, будучи уже исцеленными, будучи уже свободными от какой-либо страсти, а это великий дар, это, и правда, десять тысяч талантов, это, действительно, некие миллионы в сокровищнице Царства Небесного – и, вдруг, мы вновь в этой страсти. Она опять тут как тут.

– Бойтесь не прощать ближних! Порочные страсти опять вползут, как тот древний змий не постеснялся и в Эдемский сад заползти. Опять вползут в мою душу, где вроде бы уже был Эдемский сад, где я уже был освобожден от страсти и, вот – опять! Вот такая беда бывает от греха непощения.

И это не последнее. Преподобный Иоанн Лествичник говорит о том, что, кого в чем осудишь, в том согрешишь сам. Ведь если я не прощаю своего ближнего, значит, я его осуждаю. По притче этот человек своего должника, всего-то за сто динариев, кинул в темницу. Он его осудил. И в результате был осужден сам. Если мы не прощаем, тогда по слову Иоанна Лествичника, мы сами этим же грехом согрешим.

Я знаю одного человека, которого очень сильно обидел его начальник. Очень жестоко поступил по отношению к нему. И, конечно же, этот человек не мог быть вполне свободным

от осуждения, он осуждал своего начальника. Он не прощал его. А сам-то был тоже неким маленьким начальничком, у него тоже были подчиненные. И случилось один к одному то, что причинил ему его большой начальник, то сделал и он своей подчиненной. После этого сел он, да, что называется, за затылком чешет, – теперь дошло. Ты своего начальника не простил, и сам поступил так же.

Прощают ведь не потому, что тот оказался прав, прощение не предполагает правоту прощаемого. Те десять тысяч талантов были прощены не от того, что он не был должник, что сумел доказать свою правоту. Нет, тут все было очевидно, он был должен. Иногда мы говорим:

– Он же виноват, он же плохо поступил со мной.

– Да, виноват, да, плохо поступил. А ты не хочешь быть виноватым и поступить так же плохо? Тогда поторопись простить того, кто так поступил с тобой!

Вот какая беда от непощения. Сам начинаешь поступать таким же образом, как это показано в притче.

И это не все! Теперь перейдем вовнутрь, там у нас сердце. Сердце имеет свойство быть в одном из двух состояний. Или окамененное нечувствие, или умиление – бывает то или другое. Наверно уже догадываетесь, если не прощаешь своего ближнего, будет ли сердце в состоянии умиления?

– Чему тут умиляться? – Какой ты хороший и как с тобою плохо поступили?

Это не умиление, это саможаление. И оно является след-

ствием тонкой гордыни, которая живет в нашей душе. Если мы не прощаем ближнего, то наше сердце ожесточается, оно становится каменным. Так вот, если хочешь, чтобы здесь в груди у тебя был камень, тогда не прощай. Будет окамененное нечувствие. И толку нет говорить Господу:

– Помилуй.

Помилования не будет.

Помилование – это не просто амнистия, когда выпустили на свободу, это глубже. Помилование – это когда умилилось твое сердце. А в умиленном сердце не бывает страстей, оно готово для Царства Небесного. Только его не будет, если не простим.

Доводилось видеть ситуацию, когда один человек обидел другого и был далеко не прав. Обиженный обиду простить не мог. Шло время. Обидчик потихоньку стал отходить, стал осознавать, что был не прав, что был виноват и стал просить прощения у Бога и у обиженного. Но обиженный простить не мог, слишком больно ему было, и он ожесточился. Обидчик уже имел сердце близкое к умилению, а обиженный все больше ожесточался. Быть обиженным, не прощающим даже хуже, чем быть обидчиком.

Вот такая еще беда от непростения. От непростения ожесточается и опустошается наше сердце, наш внутренний мир, наша душа. Соответственно, не может быть никакого духовного роста. Соответственно, не может быть даже какой-то внешней успешной деятельности. И это еще не все.

Непрощение – худая штука.

Есть еще одна вещь, ее понимают те, кто понимает, что такое благодать. Есть люди, для которых слово благодать – как бы ни о чем. Или благодать – это хорошая погода, арбуз, теплая вода в море и еще что-нибудь такое. И, правда, перечисленное – это тоже благодать, тоже дары Божьи. Это крошки со стола Небесного Щедродателя, но все-таки всего лишь крошки.

А есть благодать Святого Духа, если она посещает человека, то внутри его чудеса происходят. Нет, не обязательно, что он будет ходить чудотворцем, направо-налево всех исцелять и так далее. В нем самом будут чудеса происходить! А может быть и внешние тоже, но это уже как Бог судит. Есть благодать, и я думаю, что всякий верующий в большей или меньшей степени знает ее.

Без благодати в воскресенье с утра в храм не соберешься, все-таки будет отсыпной. Благодать дает нам больше, чем подушка. Ради благодати мы сегодня здесь. Благодать Божья – это самое большое, что мы можем получить.

– И что?

– Когда мы не прощаем, то благодать из души уходит.

И душа твоя, как та пушкинская старуха, уже была вольною царицей – и вот опять у разбитого корыта. Все, что имела, все ушло.

Благодать ушла. И ты один на один с самим собой.

Из истории древних мучеников хорошо известен случай,

когда одного пресвитера (священника) стали истязать и требовать от него отречения от веры. Он, благодатью Божьей укрепляемый, мужественно устоял во всех пытках. Пытки – это страшно, а древние были очень изощрены в различных видах пыток. Они это умели делать очень профессионально. Он прошел суд, все пытки, все допросы, все прошел. И наконец, отчаявшиеся мучители приговаривают его к смертной казни. Благодатью укрепленный, он принимает этот приговор. И он уже готов был возликовать, потому что небесный венец вот-вот сойдет на него. Еще чуть-чуть, и он будет в сонме святых в Небесном Царстве у Царя Царей!

И тут появляется тот человек, который его сдал. Совесть его замучила, проснулась. Он подбегает к пресвитеру, к этому батюшке и просит у него прощения, за то, что так пакостно поступил. Но наш великий страдалец видит только Небесную Обитель, идет за мученическим венцом. А тут экая мелочь, какая-то грязь, какая-то бяка, видите ли, еще прощения просит. Да никогда, ни в этом веке, ни в будущем! Кто же Иуду прощает?!

Страдалец идет к месту своего мученичества, видит орудие смертной казни. Вы знаете, если на то пошло, то смертная казнь, – как ни странно, – не так страшна, как орудия пыток. И вот в момент перед казнью у пресвитера, который не простил согрешившего человека, отнимается благодать. Он остается таким, каким был, таким же героем, таким же умным, такой же силы воли. У него никто ничего не отнял,

из принадлежавшего ему. Все его способности остались при нем.

– Так, что же, давай – совершай геройский поступок!

Однако, увидев орудие казни, лишенный благодати, он уже ни к чему не способен. Он отрекается от Христа и мученический венец не получает. Вместо мученика – отреченец от веры.

Вот чем опасно непощение. Божья благодать у нас отнимается. Если ее не было, то и не дается. Божья благодать несовместима с непощением. Верующие знают такое состояние, когда мы безуспешно бьемся и не чувствуем благодати, не получаем ее. Причина может быть не одна, но эту не забудем проверить. А вдруг мы кого-то из своих должников не простили?! Тогда все бесполезно: бесполезен Великий пост, бесполезен Великий покаянный канон, бесполезны поклоны, бесполезно торжество Пасхи. Никакой благодати все равно не получим, будем делать вид, что каемся и будем делать вид, что радуемся. Благодати у нас не будет. И всего-то – лишь не простили...

Вот, дорогие, какое страшное дело непощение. И в притче Господней все эти стороны есть, они в ней сокрыты. Когда ее читаешь, то они раскрываются. А возможно, это еще и далеко не все, к чему ведет непощение. Убоимся, дорогие, убоимся непощения! Оказывается, чужой грех, не мой, страшнее для меня, чем мой. За свой грех, худо-бедно, как-нибудь перекрещусь, да, «Господи, прости», скажу. А непро-

ценный чужой грех все сводит к нулю. И не только к нулю – человека даже близко находящегося к Царству, даже уже находящегося в Царстве, извергает вон.

Якорь безопасный в житейском море

В Апостольском чтении из Послания к Евреям мы слышали сейчас такие слова о христианах, о нас, прибегнувших взяться за «предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее, за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека»²¹.

Якорь безопасный. Что это такое очень хорошо знают люди, которым случалось плавать или даже служить во флоте. Для того, чтобы корабль не кидало по водам, для того, чтобы он не отплыл, куда ему не следует, матросы бросают якорь. Он достаточно массивный, у него обязательно есть такая часть, которая хорошо цепляется за дно. Между кораблем и землею большая толща воды, якорь опускается туда вниз и цепляется за землю. Корабль, хотя его немножко и побрасывают из стороны в сторону ветер и волны, однако он надежно закреплен.

И, наверно, в истории мореплавания еще никто не видел, чтобы однажды моряки, собравшись на палубе, взяли якорь достаточно массивный такой и бросали его вверх, пытаясь там наверху за что-то зацепиться. Если бы кто-нибудь такое начал делать, то естественно, его сочли бы сумасшедшим, от него бы попытались поскорее избавиться – куда-нибудь

²¹ Евр. 6, 18–20.

его на берег, подальше от корабля. Сегодня мы слышали о таких.

Странные люди, бросающие якорь вверх – это мы, верующие христиане. Мы, прибегшие взяться за якорь безопасный и крепкий.

Храм осенью

Куда обычно бросают якорь?

Якорь бросают по обычаю вниз, чтобы он зацепился за

землю. Тем более, что там есть, за что зацепиться.

Например, за свое богатство. Самое конкретное и примитивное, зацепить наш якорь за пару миллиончиков. Ну вот, теперь корабль наш в безопасности. Мы не пропадем! В случае чего у нас есть заначка, у нас есть средства. Нам есть, за что держаться.

Можно бросить якорь туда вниз к земле, чтобы зацепиться за знакомство.

- У меня замгубернатора знакомый.
- У меня приятель олигарх, очень богатый человек.
- А у меня такой-то знакомый человек.
- У меня в полиции знакомые. Там все свои.

И так далее. Человек цепляется за знакомства. У кого-то и повыше рангом, где-нибудь в Кремле знакомые есть. Там тоже можно зацепить свой якорь, тогда уже совсем надежно. Кто уж здесь в глубинке, против меня что посмеет сказать, если у меня якорь туда в Кремль заброшен.

Бывает туда, вниз, к земле забрасывают якорь к своим способностям.

– Я одаренный человек – куда им?! Меня не превзойти, я человек талантливый.

И цепляем якорь за свои таланты, за свой ум, за свой опыт, за свои способности. Укрепились покрепче, ощутили, что все – якорь зацепился. Теперь нас не взять, попробуйте!

Есть, пожалуй, и еще много других вариантов, когда мы пытаемся якорь безопасный и крепкий зацепить за землю.

Так все моряки и делают, а жизнь есть житейское море, почему бы и нам так не делать? Все нормально, все естественно, одно с другим сходится – якорь надо цеплять за землю.

Только эта земля размывается водой. И если сегодня, казалось бы, я так надежно зацеплен, то завтра вода уже размывла эту мою зацепку. И знакомый мой помер; и, переболев, я потерял свою способность; и обвал рубля – все мои деньги превратились в фантики. И все эти зацепки могут оказаться очень даже ненадежными. Тогда наш корабль кидает туда-сюда. Беспомощно и бестолково он передвигается по водам, уже не способный надежно сохраниться в безопасности, в необходимом месте.

– И вот, апостол говорит нам, что мы имеем якорь как бы безопасный, крепкий, который входит куда?

Во внутреннейшее, за завесу.

– Это что такое?

Образ берется древний, ветхозаветный, а собственно говоря, и у нас в православном храме он мало чем отличается. Есть завеса в Царских вратах, она закрывается, и не каждый входит за нее в алтарь, в святое святых храма. В древности только архиерей, только первосвященник великий мог входить во внутреннейшее, за завесу.

И вот теперь Иисус, Которого распяли на Кресте. Иисус, Которого сокрыли подальше, в землю – Он воскрес из мертвых и с Елеонской горы, чудной, прекрасной горы на восток от Иерусалима, поднялся туда на Небо, за завесу. Завеса –

это то, что отделяет от нас святое святых. Святое святых здесь означает Небо, небесный Престол, на котором восседает Бог Отец. Вот туда, за завесу, вознесся Господь Иисус. Когда выйдете из храма, посмотрите на голубое небо. Это такая простертая завеса. За эту завесу туда, в небеса небес ушел Господь наш Иисус Христос. Не в те небеса, где космонавты летают, а в те, где ангелы Божии, архангелы, где херувимы и серафимы, где небо и небеса небес. И Он прошел за эту завесу, туда к Престолу Всевышнего, и сел по правую сторону от Отца. Он теперь наш Архиерей Великий по чину Мелхиседека. Он теперь там, на небесах.

И теперь появились на земле, с точки зрения земнородных, такие странные люди. Они стали свой якорь бросать не вниз, чтобы зацепиться за землю и как-то в этом житейском море сохраниться в безопасности, а вверх. Представьте себе: моряки, житейское море. Моряки – это вы, это я, и вот мы бросаем наш якорь туда, вверх.

– Это что за такой якорь?

Он у апостола конкретно назван, у нас даже имя такое есть, – Надежда.

Наша надежда не на сильных мира сего, наша надежда не на богатство мира сего, наша надежда не на какие-то собственные достоинства и возможности. Наша надежда относится к Первосвященнику вовек, она относится к Иисусу Христу, и мы забрасываем теперь свой якорь наверх. Не туда в глубину, в пучину морскую, надеясь достать дно и заце-

питься, а туда, в небесные высоты.

– Так за что мы там пытаемся зацепиться, на что у нас надежда? Может быть на рай, на райские сады, где очень хорошо? Где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий, где жизнь бесконечная. Может, мы за это хотим зацепиться? За рай?

У апостола сказано, что мы бросаем якорь безопасный, действительно, не вниз, а вверх. Мы бросаем его не на дно морское, а на высоты высот, которые выше небес. Но не за рай мы пытаемся зацепиться, а за Христа, Который воссел одесную Бога Отца. Это очень важно! Потому что рай – это дело хорошее, конечно, но это всего лишь хорошее место. И если в этом хорошем месте нет Христа, то зацепиться там не за что. Тогда это хорошее место пустое.

– Вы бывали в хорошем доме?

Очень хороший, но совершенно пустой. Там нет никого. Нет ваших детей, нет ваших родителей, нет мужа, нет жены, ни брата, ни сестры, ну, никого. Хорошие стены, прекрасные светлые окна.

– Посмотреть все было интересно, но захотелось ли зацепиться за это и там остаться?

– Да пусть муж, дети, пусть они в лачуге, но в ней хорошо. С милым рай в шалаше.

Поэтому мы не цепляемся за рай, а цепляемся за Христа. За Того, Кто вознесся превыше небес и Который сейчас там, у Престола Всевышнего ходатайствует за нас с вами.

– Какое дело священников, архиереев?

А это – входить за завесу, во святое святых и там пред Богом ходатайствовать за народ. Это сделал Иисус Христос, искупив нас на Древе Крестном, пролив за нас Свою Честную Кровь, принеся Себя в Жертву любви за нас с вами. Он туда вознесся. И теперь надеждой, этим безопасным якорем, мы цепляемся за Него. И кто туда забросил якорь, и чья надежда на Христа, Который там, тот сам, находясь еще здесь, в этом житейском море находится в совершенной безопасности.

В Константинополе, когда он еще был православным, когда еще там было благочестие, жил один достаточно богатый человек. Он был не только богат, но и благочестив, и от своих сокровищ, своих богатств он много раздавал нищим. Но однажды он задумался: «Я все раздаю нищим, у меня еще неплохое здоровье, даст Бог, еще проживу. Если таким же темпом буду раздавать, то я скоро успею все раздать, а у меня сын растет». Тогда он зовет своего сына и говорит: «Сынок, смотри, вот мои богатства – их немало, а вот Христос, Которому я подаю, когда раздаю богатство нищим. Тебе жить, на кого надеешься, на Христа или на эти богатства?»

– А ну-ка, никому из нас так папа еще не сказал?

Окажитесь в положении такого сыночка: отцовское наследие, которое по праву принадлежит ему. И отец предлагает выбор: хочешь, бросай свой якорь, цепляйся за них, все твое – или все же за Христа? И этот сын нашел в себе силы и сказал: «Отец, надеюсь на Христа». Лицо отца, конечно,

просветлело, а здоровьице, и правда, у него было совсем не худое и пока жил, успел все раздать. Потом все-таки помер. Остался сынок, наследства нет, но есть Христос.

Гигантская столица, а столица всегда столица, она от нынешних мало чем отличается: народ, власти, интриги, страсти, возможности и уж очень большая потребность в богатстве. Без денег там что делать-то? А у него их нет, у него только Христос. Он бросил свой якорь туда, на небо, и зацепился за Христа.

И вот такой случай был. Другой, тоже не бедный человек, жил в этом же Константинополе. Тоже человек благочестивый. Имел супругу. Дочь их подросла, достигла возраста невесты, пора замуж. В те времена, как знаете, не столько романтика, а все определяло родительское благословение. Родители выдавали замуж своих дочерей. Между собой говорят:

– Ну, что – доченьку-то пора замуж отдать?

– Да, конечно, пора.

– И как?

– А пойдем в храм.

Храмов в Константинополе много было.

– Пойдем в храм, помолимся. После молитвы, кто первый в храм зайдет, тот и жених.

Родители пошли в храм и давай крепко молиться за свою дочь, чтобы Господь устроил ее жизнь ко благу. Какие родители за доченьку свою не переживают? Завершилась молит-

ва. Невольно глаза отца и матери – к входной двери. Недолго ждали – двери открываются и входит молодой человек. Они его не знают. Подходят к нему, спрашивают:

– Как тебя зовут?

Называет имя.

– А какого ты роду, племени?

– Да вот отец мой недавно преставился.

– А как его звали?

– А, этого человека мы знали. Да его весь Константинополь знал. Богатый человек, все имущество свое бедным раздал. Так ты его сынок?

– Я его сын.

Подошла и дочь.

Вот твоя невеста. Вот твое наследство.

И получил невесту и богатое наследство. Стал, как у нас в русских сказках говорится, жить да поживать. Только это все правда.

Вот якорь, который брошен туда, на небо, и там зацепился за Христа. Некоторые думали, может быть, что этот сын умершего скоро уйдет в затвор, скоро у него будут вериги. Наверное, в неделю будет один раз только кушать, будет великий подвижник, ведь Христа же избрал. И смотрите, все совсем по-другому у него сложилось по жизни. Стал он достаточно богатым, с прекрасной женой, с хорошей семьей. Так что не только вериги у Господа.

– Куда же будем якорь забрасывать?

– Где наша надежда? На папины, мамины достатки, которые они заработали? Или на то, другое, третье, десятое? Земля нам много чего может предоставить, за что можно свой якорь зацепить.

Апостол Павел пишет о тех, – и себя к ним причисляет, – что имели прибегнуть к предлежащей надежде, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит туда в небеса небес, во внутреннейшее, за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека.

– Если дерзнем, давайте туда забросим якорь.

Кто мой ближний? Кому ближний я?

Притча о добром самарянине

Один иудейский книжник, не потому что искренне искал и чаял Царствия Божия, но человек, профессионально живущий в религии и желавший как-то искусить Иисуса, этого, как казалось, странного Проповедника из Галилеи, задает Ему вопрос:

– Что мне сделать, чтобы наследовать вечную жизнь?²²

Выясняется, что надо исполнить Божью заповедь о любви к Богу, и возлюбить ближнего своего как самого себя. О том бы и порассуждать – так нет!

– А кто мой ближний?²³

И спросил он это, искушая Иисуса. Дескать, понятно, что надо делать добрые дела ближнему, а кто мой ближний? Не все же подряд, есть же и дальние.

Тогда Иисус произносит очень хорошо нам известную притчу.²⁴ Он говорит о том, как некий человек из Иерусалима направился в Иерихон и по дороге попал к разбойникам. Те ограбили его, сняли с него одежду, избили и раненного, с

²² Лк. 10, 25.

²³ Лк. 10, 29.

²⁴ см. Лк. 10, 25–37.

кровоточащими язвами, бросили и убежали.

А тем временем в обратном направлении, в Иерусалим, спешил священник. Ясно для чего, чтобы там совершать службу. И где-то в стороне священник увидел валяющегося, избитого человека и поспешил дальше.

Через некоторое время идет левит, мы бы сейчас сказали, диакон. Он тоже спешит в храм, тоже спешит в Иерусалим, ему тоже надо на службу. Когда он увидел раненого человека, как-то не смог, как тот священник, быстро пронестись. Он все-таки подошел, посмотрел, ну и пошел. Служба все-таки, опаздывать нельзя.

На озере Генисаретском

После этого идет некий самарянин. Самарянин это в смысле национальном: иудей, не иудей. Нечистокровные они были, и иудеями были пренебрегаемы. И в смысле духовном тоже: самаряне были в расколе, у них была своя община в Самарии. Их вера тоже вроде бы в единого Бога Авраама и одновременно какая-то усеченная, как сейчас бы сказали, секта. Вроде верующие, но какие-то ненастоящие. А этот самарянин, уж он-то должен бы был пройти мимо, ведь не той национальности и не той веры. Но он подошел, увидел несчаст-

ного и сжалился.

Те тоже смотрели, но поглядывали на часы, пора в храм, служба начинается. Богу надо молитву, жертву приносить, а этот сжалился. Достал из своего дорожного туеска вино, елей, ими полил эти раны, обработал их. А недалеко была гостиница, еще и сейчас то место показывают. Самарянин взял пострадавшего, отнес туда в гостиницу, и сказал: «Пусть он у вас тут будет, – дал два динария, – а если его пребывание будет дороже, то на обратном пути я еще восполню, не гоните его, пусть он хорошенько отдохнет и поправится от своих ран здесь».

Дальше Господь задает вопрос, который при внимательном чтении, кажется не совсем правильно построен. Господь спрашивает своего совопросника:

– Скажи, кто из этих трех был ближний этому пострадавшему от разбойников?

Казалось бы, вопрос надо наоборот задать! Кому из этих троих пострадавший был ближним? Однако Господь спрашивает книжника:

– Кто из этих трех был ближний?

Этот вопрос книжнику неприятен. Он понял, что зря затеял весь этот разговор с Иисусом, все как-то не в его пользу поворачивается.

– Ну, конечно, последний.

– Так вот иди и ты делай также²⁵.

²⁵ Лк. 10, 37.

– В чем суть?

Основное значение притчи, конечно же, всем понятно. Надо проявлять милосердие к страдальцам. Тоньше другая тема.

– Кто из этих трех оказался ближним, попавшемуся разбойникам? Книжник ведь не это спрашивал. Он задал вопрос: «А кто мой ближний?» Господь же не отвечает ему, кто его ближний, наоборот спрашивает:

– А ты для кого оказался ближним? И оказался ли для кого-нибудь?

– Кто из этих трех был ближним пострадавшему от разбойников?

Мы тоже, как тот человек, и о жизни вечной помышляем и часто задаем сами себе вопрос, порой, и у других интересуемся: а кто мой ближний? Вот это тот человек, которого я должен посетить, или у него уйма родственников, они пусть к нему и сходят? Вот это тот нищий, которому я должен подать милостыню, или он пропойца – сам виноват, что нищий?

– Кто мой ближний?

Это нам любопытно, мы ведь не спорим, что ближнего надо любить, но только кто мой ближний? И вдруг оказывается, что это не вопрос. Вопрос не в том, кто мой ближний, а для кого я оказался ближним. Мы заинтересованы вопросом: кто мой ближний, а Господь нас спрашивает: «Для кого ты оказался ближним?»

В нашей жизни бывает так. У меня есть какое-то дело. Мне самому с ним справиться трудно и тогда я смотрю по сторонам, а кто мой ближний, кто бы мне мог помочь. И потом я с досадой говорю: «Никто мне помочь не хочет, нет ближнего». Соответственно, я свободен от заповеди любить. Некого любить, потому что ближнего-то нет! Мне была нужна помощь, а никто мне не помог.

– Не вспоминаете? Никогда не было, что вам никто не помог? И как мы при этом были раздосадованы, что нам никто не помог!

Бывает, что у нас появляется какая-то мысль, идея, мы ею увлечены. И мы опять смотрим: кто же мой ближний, кто меня поймет? Кому, то, что мне интересно, тоже интересно? Кто откликнется?

Но это никому не интересно. И тогда мы говорим:

– Меня никто не понимает.

– Не вспоминаете? Не было такого?

А меня никто не понимает. У меня что-то есть значимое, но меня не понимают. А раз не понимают, значит, это не мои ближние. Значит я, в общем-то, свободен от заповеди их любить. Ведь любить ближнего надо, ближний же меня должен понять, а они меня не понимают. Они хоть и рядом стоят, но они далеки.

Бывает, мы оказываемся в скорби, как тот человек, который попал к разбойникам. И тогда, конечно же, мы ждем, ну, где же этот мой ближний, который посочувствует, как тот са-

марянин, сжалится надо мной. Который, как тот самарянин, вынет вино и елей и обработает мои раны, да еще и в гостиницу меня отвезет, да еще и заплатит за меня, и пообещает, что и еще заплатит.

– Ну, где же этот мой ближний?

– Не вспоминаете?

Как долго мы его ждали, а он так и не пришел. Ну, а раз не пришел, нам лучше. Любить-то ближнего надо, а ближнего не оказалось, значит – свободны, не надо и напрягаться.

Вот, дорогие, мы постоянно думаем, а кто мой ближний, кто мне поможет, кто меня поймет, кто мне посочувствует? Вопрос же оказывается не в этом, вопрос в том: а я для кого ближний? Кто из сих троих был ему ближний? Я для кого оказался ближним? – спрашивает Иисус. Ведь вопрос «кто мой ближний?» мы задаем, порой, испытывая, искушая. Потому что ближнего надо любить, а не очень хочется.

– Вы никогда не ощущали, что вас никто не любит? Не было такого? Не вспоминаете?

А вот никто меня не любит. Или, иначе, нашелся человек такой хороший, ну такой, как надо, – отлично, наконец-то! А потом разочарование: да не любит он меня, я для него что есть, что нет, безразличен я ему.

Господь Иисус переводит стрелки. Он нас учит не искать ближнего, а самому оказаться для кого-то ближним. Не ждать, когда тебе помогут, а самому кому-то помочь. Мы все ищем помощника, а забыли поискать, кому я могу помочь.

– Я? – да что с меня?

– Да много с меня, очень много что с меня!

Я жду, чтобы меня поняли, но нет, меня не понимают!

– А ты кого понял?

Ты все искал ближнего, а ты сам кому оказался ближним?

– Она меня не понимает! Ладно, это ее дело, что она не понимает, а ты ее понял?

Важно не то, что она меня не понимает. Важно то, чтобы я ее понял.

Но она мне и не сочувствует, никакой жалости ко мне, никакого милосердия! А это и не важно. Важно, чтоб у меня была жалость, чтоб у меня милосердие было к человеку.

Ты постоянно ищешь любви.

– Так вот, христианство – это же религия любви! Я буду искать любви. Прихожу я на этот приход – там ее нет. И там нет, а здесь, говорят, есть – ну-ка поищу я, кто здесь меня будет любить.

– А никто не будет, даже и батюшка тоже. Скажи лучше, а ты где, на каком приходе кого любил?

Это место, о которое внимательный человек, читая Христову притчу, немного спотыкается. Вопрос «кто мой ближний?», а ответ как бы наоборот. Внимательно читая Евангелие, мы замечаем, что у Господа Иисуса это бывает очень часто. Он отвечает, не сказать, что совсем не по вопросу, отношения не имеет, – имеет отношение к вопросу, но как-то не так, как нам надо, не как нас в школе учили: отвечай по

теме. На вопрос Иисус отвечает вопросом не совсем по теме, так, что есть над чем задуматься.

И здесь оказывается вопрос не «кто мой ближний?», а вопрос «кому я ближний?». Об этом сегодняшняя притча, и об этом сегодняшний урок. Ведь мы думаем, что несчастливы от того, что у нас не оказалось ближних, помогающих, любящих, сочувствующих, понимающих, но оказывается, мы глубоко ошибаемся. На самом деле, мы несчастны от того, что сами забыли кому-то оказаться ближними.

Делайте дела, пока есть время!

О слепорожденном

Господь Иисус, незадолго до Своего исхода из мира, из этой земной жизни, идет вместе со Своими учениками. В Иерусалиме им встречается некий слепой от рождения.²⁶

Это всегда вызывает вопросы:

– Почему, что, как? Почему человеку надо было явиться в мир, чтобы не увидеть этот мир?

Ученики Иисуса спросили у Него:

– Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?

Иисус отвечал:

– Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Пока Я с вами в мире, Я свет миру.

После этих слов, Господь Иисус плюнул на землю, земля была пылью, и от этой пыли Он сделал немножко грязи и намазал глаза слепому. Сказал ему:

– Иди к источнику Силоам – имел место быть такой ис-

²⁶ см. Ин. 9, 1–11.

точник в Иерусалиме – и там омой свои глаза. Слепой пошел, омыл глаза и, удивительное дело, прозрел.

Он впервые увидел голубое небо. Он увидел солнце. Он увидел людей, деревья, землю, по которой ходил. Когда вернулся, некоторые говорят:

– Так это же наш слепой.

Другие:

– Да, вроде похож на него.

Человек говорит:

– Да, это я.

– Как же ты прозрел?

– Человек с именем Иисус помазал мне глаза грязью и велел идти в Силоамскую купель, где я омыл свои глаза и прозрел.

Ученики задают любопытствующий вопрос:

– Кто согрешил, он или родители его? Почему человек появился в этот мир больным?

Подобные вопросы очень часто занимают и нас с вами, не правда ли?

И мы уже становимся «само внимание», чтобы услышать, а что же Господь Иисус ответит? Нам это тоже интересно. И что говорит Иисус:

– Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть

день, ибо приходит ночь, когда никто не может делать.²⁷

Казалось бы, слова Иисуса не в тему. Они не имели ровным счетом никакого отношения к вопросу.

– Как же увязать то, о чем спрашивают ученики с тем, что говорит Иисус?

Они интересуются Божественным Промыслом. Они интересуются тайной: почему человек бывает больным? Почему он бывает таковым от рождения? А Иисус совсем вроде бы как о другом.

– Как отнестись к тому, что сказал Иисус?

Если выразиться попросту, то ответ Иисуса:

– Да не умничайте вы.

Ученики задают умный вопрос. Вопрос, на который нелегко найти ответ. Кажется даже, что на него невозможно найти ответ. И действительно, почему человек появляется инвалидом в этот мир?

Господь говорит:

– Мне надо делать дела Пославшего Меня. Причем Мне надо торопиться, надо успеть пока еще день. Ощущение, что дело к вечеру. Что уже совсем немного осталось времени и настанет ночь, когда никто не может делать.

Дорогие, ответ не такой, какой ожидался. Мы тоже задаем умные вопросы, нам хочется получить умный ответ. А что мы слышим:

– Да торопись ты делать дела, которые тебе надо успеть

²⁷ Ин. 9, 4.

сделать, день уже склоняется к вечеру. Скоро ночь, когда никто ничего не может делать. Вместо того, чтобы заниматься толковыми, нужными, спасительными делами, мы с вами все философы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.